ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Право № 4 (72), 2022

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:
Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Тверской государственный университет, 2022

VESTNIK

TVER STATE UNIVERSITY

Series: Law № 4 (72), 2022

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:
Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Tver State University»

Editorial Board of the Series:
Doctor of Law, Professor O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:
Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the publisher.

© Tver State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Гринева А.В.
О педагогических компетенциях родителей и иных лиц в контексте права и обязанности воспитывать детей…….7
Ильина О.Ю.
Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь……..….15

Актуальные вопросы публичного права

Афтахова А.В.
К вопросу о соотношении процессуального статуса представителя и лица, которое ведет дело в интересах группы лиц…….……...…23
Воднева М.А.
Оптимизация системы наказаний в контексте принципа справедливости…….30
Ковалев О.Г.
Влияние современной пенитенциарной преступности на безопасность учреждений уголовно-исполнительной системы……..38
Крусс В.И.
Политико-правовая (демократическая) система Российской Федерации: актуальность и направления конституционной модернизации……..….45
Кувырченкова Т.В., Черевко В.В.
Некоторые вопросы правовой защиты прав и свобод человека в условиях развития нанобиотехнологий……..…….....55
Столярова З.Н.
Об административно-правовом статусе детей мигрантов в Российской Федерации…….60
Сухарев А.Н.
Метод дихотомии в конструкции права…….....67

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Жукова О.В.
Право несовершеннолетнего на обжалование судебных актов: вопросы теории и практики……..…..…75
Левушкин А.Н.
Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников имущественных правоотношений в цифровом пространстве и защите информации….....81
Лепехин И.А., Джиджиков М.Д.
К вопросу создания публично-правовой компании «Роскадастр»……..91

Логинова А.С.
Проблемы администрирования разделов Единого перечня товаров, к которым применяются запреты или ограничения при их перемещении через границу Евразийского экономического союза…….....97
Туманова Л.В.
Размышления о значении сроков давности в контексте повести А.С. Пушкина «Выстрел»……...…...104

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.
Некоторые современные тенденции развития российской системы высшего образования и Тверской государственный университет…....111

Проблемы организации учебного процесса

Рязанова Е.А.
Конституционные принципы как нормативная основа формирования профессиональной культуры будущего юриста……..116

Трибуна молодого ученого

Снытникова Н.В.
Некоторые особенности рассмотрения гражданских дел об изменении или расторжении предпринимательского договора: материально-правовой аспект……..123

CONTENT

Topical issues of private law

Grineva A.
On the pedagogical competencies of parents and other persons in the context of the right and duty to raise children……...…7
Ilyina O.
Competition of agreements on children in the family legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus…….....15

Topical issues of public law

Aftakhova A.
On the question of the relationship of the procedural status of the representative and the person which does case in the interests of a group of persons……....23
Vodneva M.
The improvement of the system of penalties in the context of the principle of justice……..30
Kovalev O.
The impact of modern penitentiary crime on the security of institutions of the penal system……..…….38
Kruss V.
The political and legal (democratic) system of the Russian Federation: relevance and directions of constitutional modernization…….....45
Kuvyrchenkova T., Cherevko V.
Some issues of legal protection of rights and freedoms a human being in the context of the development of nanobiotechnology……..…..55
Stolyarova Z.
On the administrative and legal status of migrant children in the Russian Federation……...60
Sukharev A.
Dichotomy method in the construction of law……..…….67

Topical issues of science and law enforcement practice

Zhukova O.
The right of a minor to appeal against judicial acts: questions of theory and practice……75
Levushkin A.
Ensuring a balance of interests of citizens, entrepreneurs and public legal entities as participants in property legal relations in the digital space and information protection……81
Lepekhin I., Dzhidzhikov M.
To the question of creation public law company “Roskadastre”……91

Loginova A.
Problems of administration of the sections of the Unified list of goods to which prohibitions or restrictions apply when moving through the border of the Eurasian economic union……97
Tumanova L.
Reflections on the significance of limitation in the context of A.S. Pushkin "Shot"……104

Issues of state history and law

Smirnov S.
Tver state university and some contemporary trends in the development of the russian higher education system…….……...111

Problems of organization of the educational process

Ryazanova E.
Constitutional principles as a normative basis for forming the professional culture of a future lawyer…….....116

Tribune of young scientist

Snytnikova N.
Some features of the consideration of civil cases on the amendment or termination of an entrepreneurial contract: the substantive aspect……..….123

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.61/.64
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.007

О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЯХ РОДИТЕЛЕЙ И ИНЫХ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ

А.В. Гринева

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Автор обозначает проблему соотношения педагогических компетенций родителей, а также иных лиц, желающих принять в семью ребенка на воспитание. Исследование содержания прав и обязанностей по воспитанию детей, оснований и последствий применения мер ответственности при ненадлежащем осуществлении родителями своих прав и обязанностей позволило автору сделать вывод о различном объеме компетенций родителей и иных лиц в сфере воспитания детей и недопустимости отождествления статуса родителя и статуса иного лица, воспитывающего ребенка в семье.

Ключевые слова: *семейное законодательство, родительские права, лица, замещающие родителей, семейное воспитание, педагогические компетенции.*

В настоящее время существенно усилен публичный интерес к вопросу надлежащего воспитания детей, создания условий, «способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» (ст. 76.1 Конституции Российской Федерации [1]). Более того, «Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей» [1]. Именно поэтому в современных условиях абсолютно обоснован новый взгляд на содержание прав и обязанностей по воспитанию детей с точки зрения «родительского профессионализма», способности родителей, а также иных лиц, принявших ребенка в семью на воспитание, не только обеспечивать физиологические потребности ребенка, но и воспитывать его надлежащим образом.

Заметим, что законодатель всегда уделял должное внимание регламентации семейных правоотношений по воспитанию детей, все отечественные кодексы на протяжении уже почти ста лет содержали соответствующие разделы. В то же время обзор положений как утративших свою силу кодексов, так и ныне действующего Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ), позволяет обнаружить явную тенденцию: при отсутствии каких-либо требований к

© Гринева А.В., 2022

наличию компетенций по воспитанию детей, законодатель весьма императивен и категоричен в установлении оснований и последствий мер семейно-правовой ответственности, применяемых к родителям (одному из них) при неисполнении или ненадлежащем исполнении прав и обязанностей по воспитанию детей. Так, с учетом различных исторических особенностей отмечается относительно консервативный подход к обозначению оснований, порядка и правовых последствий лишения родительских прав. В теории семейного права и правоприменительной практике прослеживается общий подход к характеристике института лишения родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности, которая может быть применена к родителям (одному из них) при ненадлежащем осуществлении родительских прав.

В то же время следует признать, что законодатель даже в такой ситуации не исключает возможности восстановления родителей в родительских правах, если родители изменят свое поведение и отношение к ребенку в лучшую сторону. Действительно, воспитание ребенка в кровной семье, даже если к родителям была применена такая мера как лишение родительских прав, в наибольшей степени соответствует интересам ребенка и сохранению кровнородственных связей.

Как известно, ребенок может быть передан в семью на воспитание по различным основаниям, при этом законодатель указывает следующие формы устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление (удочерение), опека или попечительство, приемная семья либо, если это предусмотрено законодательством субъектов РФ, в патронатную семью (ст. 123 СК РФ).

Устройство ребенка в семью на воспитание, безусловно, имеет различные правовые последствия, обусловленные формой устройства. Так, усыновление предполагает, что ребенок навсегда остается в семье усыновителей, более того, при соблюдении тайны усыновления ребенок может и не догадываться, что его воспитывают лица, не являющиеся кровными родственниками. Опека, попечительство, приемная и патронатная семьи имеют временный характер, то есть срок пребывания ребенка в семье и период его воспитания заранее известны, что, однако, не снимает с лиц, принявших ребенка в семью на воспитание, ответственности за обеспечение прав и интересов детей, за воспитание ребенка в целом. Совершенно справедливо подчеркивают авторы: «опекуны (попечители) осуществляют важнейшую социальную функцию по воспитанию детей, оставшихся без родительского попечения» [9, с. 64].

Таким образом, родители и иные лица, воспитывающие ребенка в семье (усыновители, опекуны, попечители, приемные родители), не только наделяются полномочиями по воспитанию, но и несут

ответственность за содержание воспитательного процесса. Именно поэтому для лиц, претендующих на воспитание ребенка, не являющегося их кровным родственником, законом предусмотрено требование о прохождении специальной подготовки.

По нашему мнению, вопрос соотношения полномочий родителей и иных лиц, воспитывающих ребенка в семье, представляет интерес для науки семейного права, поскольку законодатель априори предполагает наличие у родителей соответствующих педагогических компетенций в сфере воспитания, в то время как приобретение статуса усыновителя, опекуна, попечителя, приемного родителя, как правило, невозможно без прохождения специального обучения. Кроме того, обращает на себя внимание относительная свобода усыновителей, опекунов, попечителей и приемных родителей в решении вопроса прекращения правоотношения по семейному воспитанию ребенка.

Итак, в соответствии со ст. 127, 146 и 153 СК РФ лица, желающие принять ребенка в семью на воспитание, должны пройти специальную подготовку (п. 6 ст. 127 СК РФ). Как следует из содержания соответствующих норм, обучение по специальной программе не требуется, если ребенка усыновляют близкие родственники, отчим либо мачеха, а также лица, которые являются или являлись усыновителями и в отношении которых усыновление не было отменено, и лица, которые являются или являлись опекунами (попечителями) детей и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей. Кроме того, при вынесении решения суд может отступить от установленного правила о прохождении обучения с учетом интересов усыновляемого ребенка и заслуживающих внимания обстоятельств, например, если лицо, желающее усыновить ребенка, проживает с ним в силу уже сложившихся семейных отношений.

Как видим, наряду с другими требованиями, предъявляемыми к потенциальным лицам, заменяющим родителей, законодатель устанавливает необходимость прохождения специального обучения и оценивания (поскольку обучение заканчивается тестированием) уровня сформированности педагогических компетенций будущих усыновителей, опекунов, попечителей и приемных родителей.

Как совершенно справедливо полагает Е.С. Жильцова: «Наличие у родителей желания воспитывать приемного ребенка не всегда соответствует тому уровню готовности, который требуется от них в этом процессе, так как они часто переоценивают свой воспитательный потенциал. Высокая субъективная оценка и уверенность в своих воспитательных способностях порождает ситуацию, когда потенциальные родители оказываются оторванными от действительности, что выражается в неадекватном представлении о воспитании и развитии приемного ребенка и несоответствии ребенка с

тем образом, каким он должен быть в понимании приемных родителей» [6, с. 13].

Как уже отмечалось, правоотношения по семейному воспитанию ребенка опекуном или попечителем могут быть прекращены по разным основаниям. К сожалению, это может быть отстранение опекуна (попечителя) от исполнения возложенных на них обязанностей. Согласно ч. 5 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [4] это возможно в случае:

– ненадлежащего исполнения возложенных на них обязанностей;

– нарушения прав и законных интересов подопечного, в том числе при осуществлении опеки или попечительства в корыстных целях либо при оставлении подопечного без надзора и необходимой помощи;

– выявления органом опеки и попечительства фактов существенного нарушения опекуном или попечителем установленных федеральным законом или договором правил охраны имущества подопечного и (или) распоряжения его имуществом.

Отстранение опекуна (попечителя) от исполнения обязанностей по воспитанию ребенка исключает впоследствии перспективу для данного лица принять ребенка в семью на воспитание по какому-либо основанию.

Проводя параллель с лишением родительских прав и отменой усыновления при виновном поведении усыновителя, можем отметить полное сходство правовых последствий в данной части.

Однако правоотношения по опеке и попечительству могут быть прекращены и при освобождении лиц, заменяющих родителей, от исполнения обязанностей по воспитанию детей.

Основания, именуемые как отказ от ребенка, могут иметь разные причины. В соответствии с ч. 3 и 4 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» опекун и попечитель могут быть освобождены от исполнения своих обязанностей по их просьбе, в том числе временно, в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна (попечителя).

Дополнительно к этому следует указать на некоторые особенности прекращения договора о приемной семье. Так, согласно ст. 153.2 СК РФ приемные родители вправе отказаться от исполнения договора при наличии уважительных причин (болезнь, изменение семейного или имущественного положения, отсутствие взаимопонимания с ребенком или детьми, наличие конфликтных отношений между детьми и другое).

Очевидно, что именно отсутствие сформированных педагогических компетенций выступает в большинстве случаев основанием для прекращения правоотношений по семейному воспитанию. Именно такой акцент делают педагоги и психологи, называя основными причинами отказа следующие: «1) отсутствие сформированной социально-педагогической компетентности об основных потребностях и о психофизическом развитии ребенка; 2) несоответствие родительских ожиданий в отношении приемного ребенка; 3)

отсутствие поддержки в семье при адаптации ребенка и других трудностях воспитания; 4) заболевания ребенка, которые проявились в старшем возрасте и др.» [7, с. 84–85].

Таким образом, и усыновление, и опека (попечительство), и приемная семья не исключают прекращения соответствующих правоотношений по инициативе лиц, заменяющих родителей, лишь потому, что последние не справились с возложенными на них обязанностями, но при внешнем отсутствии вины «воспитателей» в сложившейся ситуации. Кстати, исследователи отмечают даже наличие «профессиональных болезней» приемных родителей (эмоциональное выгорание, деформация личностных качеств, «профессиональное старение») [5, с. 27].

Возникает парадокс. С одной стороны, законодатель наделяет усыновителей, опекунов (попечителей) и приемных родителей полным объемом прав и обязанностей по воспитанию детей, как если бы речь шла о родителях ребенка.

Так, по общему правилу, между усыновителями и усыновленным возникает правоотношение, аналогичное тому, которое основано на кровном родстве, происхождении ребенка от родителей. Следовательно, усыновители в полном объеме приобретают все права и обязанности по отношению к ребенку.

Примечательно, что и полномочия опекуна (попечителя), приемных родителей максимально приближены к объему родительских полномочий, то есть фактически лица, заменяющие родителей, наделяются почти в полном объеме правами и обязанностями родителей по отношению к детям.

Согласно ст. 148.1 СК РФ родители ребенка утрачивают свои права и обязанности по представительству и защите прав и законных интересов ребенка с момента возникновения прав и обязанностей опекуна или попечителя.

Особого внимания заслуживает п. 6 данной статьи, где предусматривается, что опекун или попечитель имеет право и обязан воспитывать ребенка, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Он также вправе самостоятельно определять способы воспитания ребенка, имеет право выбора образовательной организации, формы получения ребенком образования и формы его обучения.

Заметим, что редакция п. 6 ст. 148.1 СК РФ, на первый взгляд, идентична редакции ст. 65 СК РФ «Права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей». Однако, в отличие от опекунов и попечителей, родители не только имеют право и обязаны воспитывать своих детей, но и «несут ответственность за воспитание и развитие своих детей».

По нашему мнению, именно в этом заключается суть семейного воспитания ребенка, что, в свою очередь, позволяет четко различать полномочия родителей и иных лиц по воспитанию детей в семье. Родители несут ответственность не только в процессе воспитания, в частности, за выбор способов и форм воспитания (ст. 65 СК РФ), но и за, образно говоря, результат воспитания.

К сожалению, никаких мер семейно-правовой ответственности за воспитание детей не предусмотрено ни для опекунов, ни для попечителей, ни для усыновителей, ни для приемных родителей. Справедливости ради отметим, что ст. 5.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях [3] устанавливает санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних не только родителями, но и иными законными представителями детей.

Но, с другой стороны, если родители испытывают какие-либо сложности в воспитании ребенка, они не могут отказаться от ребенка, это противоречит сути родительского правоотношения. «Родительский статус обусловлен биологическим родством, поэтому закон не предусматривает возможности отказа от соответствующих прав и обязанностей» [8, с. 297]. В соответствии с п. 4 ст. 65 СК РФ родители при осуществлении родительских прав, как впрочем и прямо здесь упомянутые лица, заменяющие родителей, имеют право на оказание им содействия в предоставлении семье медицинской, психологической, юридической и социальной помощи. Однако ни при каких обстоятельствах родители не могут отказаться от ребенка, если их педагогической компетентности недостаточно для разрешения возникшего конфликта в семье. Все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, родители должны решать вместе исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Если же между родителями возникли разногласия, они могут обратиться за их разрешением в орган опеки и попечительства или в суд. При виновном поведении родители могут быть лишены родительских прав, либо ограничены в родительских правах при наличии оснований и в порядке, предусмотренных законом.

Такая правовая конструкция небесспорна: отказаться от прав родители не могут, осуществление права является их обязанностью, за неисполнение которой применяется санкция, в том числе в виде принудительного прекращения родительских прав (лишения), поэтому закон как бы понуждает недобросовестных родителей «для достижения того же правового результата к правонарушению, то есть они должны перестать осуществлять свое право, вместо того, чтобы передать ребенка органам опеки и попечительства» [8, с. 297].

Кстати, весьма часто решение об усыновлении или принятии ребенка в семью на воспитание по иному основанию принимают лица, имеющие родных детей. По общему правилу, такие родители тоже

должны проходить специальное обучение, что, казалось бы, вряд ли соответствует имеющимся у них опыту родительства и педагогическим компетенциям. На наш взгляд, это вполне обоснованно, ведь принятие на воспитание в семью чужого ребенка неизбежно приведет к конфликтным ситуациям с родными детьми и т.п.

Проведенное нами исследование позволяет констатировать не только дискуссионность вопроса педагогических компетенций родителей и иных лиц, принимающих ребенка в семью на воспитание. Воспитание детей – сложный процесс, предполагающий постоянное воздействие на ребенка, контроль за воздействием на ребенка со стороны третьих лиц и т.п.

Родители выполняют свою миссию, воспитывают своих детей и несут ответственность за их воспитание. Соответствующие компетенции родителей имеют естественный характер, психоэмоциональная связь обусловлена кровнородственным происхождением, при этом правоотношение по воспитанию детей, хотя и ограничено, как правило, достижением ребенком совершеннолетия, как бы «растворяется» в семейном правоотношении.

Усыновители, опекуны (попечители) и приемные родители наделяются правами и обязанностями по воспитанию детей, но государство не возлагает на них ответственность за воспитание, более того, позволяет в любой момент прекратить соответствующее правоотношение по инициативе лиц, заменяющих родителей. В связи с этим, очевидно, абсолютно необходима специальная подготовка лиц, желающих принять ребенка в семью на воспитание.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г., с изм. от 24.11.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Горькая Ж.В., Савицкая Е.М. Ключевые компетенции приемных родителей // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. № 4. Т. 19. С. 24–34.

6. Жильцова Е.С. Формирование готовности замещающих родителей к реализации воспитательной функции // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. II: Психолого-педагогические науки. С. 12–15.

7. Полякова О.Б. Формирование социально-педагогической компетентности кандидатов в приемные родители в процессе проведения

общегородского дня открытых дверей «День аиста» // Таврический научный обозреватель. 2017. № 7 (24). С. 82–88.

8. Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 615 с.

9. Темникова Н.А. Взаимодействие гражданского и семейного законодательства на примере отношений по опеке (попечительству) // Социально-юридическая тетрадь. Научный журнал. 2016. № 6. С. 58–69.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94); судья Арбитражного суда Московской области, AuthorID: 1167570, e-mail: annagrin@rambler.ru

ON THE PEDAGOGICAL COMPETENCIES OF PARENTS AND OTHER PERSONS IN THE CONTEXT OF THE RIGHT AND DUTY TO RAISE CHILDREN

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

The author identifies the problem of the correlation of pedagogical competencies of parents, as well as other persons wishing to adopt a child into a family for upbringing. The study of the content of the rights and obligations for the upbringing of children, the grounds and consequences of the application of liability measures in case of improper exercise by parents of their rights and obligations allowed the author to conclude about the different scope of competence of parents and other persons in the field of child rearing and the inadmissibility of identifying the status of a parent and the status of another person raising a child in the family.

Keywords: *family legislation; parental rights; persons replacing parents; family education; pedagogical competencies.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk Region, Kursk, st. 50 let Oktyabrya, 94); judge of the Arbitration Court of the Moscow Region, AuthorID: 1167570, e-mail: annagrin@rambler.ru

Гринева А.В. О педагогических компетенциях родителей и иных лиц в контексте права и обязанности воспитывать детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 7–14.

УДК 347.61
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.015

КОНКУРЕНЦИЯ СОГЛАШЕНИЙ О ДЕТЯХ В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проводится сравнительно-правовая характеристика механизма договорного регулирования отношений, связанных с осуществлением родительских прав и исполнением родительских обязанностей при раздельном проживании ребенка с одним из родителей. Анализ соответствующих положений семейного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь позволил автору выявить как общие, так и отличительные черты, демонстрирующие наличие конкуренции соглашений.

Ключевые слова: *семейное законодательство, интересы ребенка, соглашение о детях, алименты, место жительства ребенка, порядок общения с ребенком.*

Отношения между родителями и детьми являются, пожалуй, объективно самой уязвимой сферой в составе предмета семейно-правового регулирования. Императивные предписания законодателя, определяющие как содержание, так и механизм осуществления родительских прав и обязанностей, не исключают возможности регулирования соответствующих отношений посредством заключения родителями между собой тех или иных соглашений. Семейный кодекс Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) и Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [2] (далее – КоБС РБ) предусматривают несколько видов соглашений, позволяющих родителям определить порядок осуществления прав и обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка. Заметим, что это и соглашение о детях (ст. 24 СК РФ и ст. 76.1 КоБС РБ) как самостоятельный вид семейно-правового договора, и соглашение об алиментах (ст. 99 СК РФ и глава 11.1 КоБС РФ), и соглашение о порядке осуществления родительских прав (ст. 66 СК РФ), и брачный договор (ст. 13 КоБС РБ). Заметим, что семейное законодательство союзного государства имеет много общего, обусловленного историческими традициями и единством идеологии, стремлением к укреплению семьи и семейных ценностей. В то же время при регулировании семейных отношений отмечаются и отличия, выраженные в том числе и в предусмотренных законом договорных конструкциях, применяемых при регулировании отношений между родителями и детьми.

© Ильина О.Ю., 2022

Представляется, что исследование договоров в сфере воспитания и содержания детей представляет интерес не только в контексте сравнительной характеристики, но и с позиции конкуренции соглашений о детях. Выбор родителями той или иной договорной конструкции определяется несколькими факторами, однако в любом случае приоритетом должно быть обеспечение интересов несовершеннолетних детей.

Итак, в ст. 24 СК РФ предусматривается, что родители, принявшие решение о расторжении брака, «могут представить» в судебном заседании «соглашение», в том числе и о том, с кем из родителей будут проживать дети после расторжения брака, а также о том, в каком порядке будет осуществляться выплата средств (алиментов) на содержание несовершеннолетних детей. Заметим, что соответствующая норма СК РФ не содержит указания на форму такого соглашения родителей, чем фактически предоставляет родителям ребенка право на использование различных вариантов. В частности, речь может идти как об устном, так и о письменном формате договоренности, главное, чтобы суд установил факт наличия согласия родителей в решении обозначенных вопросов.

Заметим, что в таком соглашении предполагается согласование места жительства детей (ребенка) после расторжения брака и порядка выплаты алиментов, т. е. кто из родителей и в каком размере будет выплачивать алименты на детей (ребенка). Кстати, следует отметить, что при наличии нескольких общих несовершеннолетних детей родители могут договориться, что при каждом из них останется ребенок, при этом каждый из родителей может быть обязан принимать участие в содержании всех общих несовершеннолетних детей.

Если же соответствующее соглашение отсутствует либо суд установит, что условия соглашения нарушают интересы детей или одного из супругов, то непосредственно суд решает, кто из детей с кем из родителей будет проживать после расторжения брака, а также с кого из родителей и в каком размере будут взыскиваться алименты на детей.

Примечательно, что законодатель предлагает родителям, расторгающим брак, согласовать лишь два вопроса. При этом за пределами усмотрения как родителей, так и суда остается не менее значимый вопрос, а именно порядок осуществления родительских прав тем из родителей, который будет проживать отдельно от ребенка после расторжения брака.

Возможность заключения соответствующего соглашения предусмотрена в п. 2 ст. 66 СК РФ: «Родители вправе заключить в письменной форме соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка». На наш взгляд, такая формулировка представляется некорректной, ведь раздельное проживание ребенка с одним из родителей влечет специфику в осуществлении родительских прав и другим родителем, в том числе и в

плане установления для него обязанности не препятствовать общению ребенка и родителя, проживающего отдельно от него. Представляется, что данное соглашение устанавливает порядок осуществления родительских прав обоими родителями, а не только тем, кто живет отдельно, в связи с чем в редакцию ст. 66 СК РФ следует внести соответствующие коррективы.

Необходимо обратить внимание и на то, что в соответствии с п. 3 ст. 65 СК РФ при раздельном проживании родителей место жительства общих несовершеннолетних детей (ребенка) устанавливается соглашением родителей. Можно предположить, что и место жительства детей (ребенка), и порядок осуществления родительских прав тем из родителей, который проживает отдельно от ребенка, могут быть определены в одном соглашении, заключенном в письменной форме. Однако нельзя исключать и наличие двух самостоятельных соглашений.

Как известно, законодатель объединяет субъективные родительские права и юридические обязанности родителей одним понятием – «родительские права» (п. 1 ст. 61 СК РФ), однако, как следует из содержания ст. 66 СК РФ, предлагаемое соглашение позволяет родителям договориться фактически лишь о порядке общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, участия в воспитании ребенка и решении вопросов, связанных с получением ребенком образования, получения информации о ребенке, все остальные родительские права и непосредственно обязанности находятся за пределами регулирования указанной договорной конструкцией.

Таким образом, если родители ребенка захотят согласовать вопросы, обозначенные в ст. 24 СК РФ, им нужно заключить три или как минимум два соглашения. Кроме упомянутых соглашений об определении места жительства ребенка и о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, предполагается заключение соглашения об уплате алиментов (гл. 16 СК РФ). В отличие от ранее названных договоров, соглашение об уплате алиментов подлежит обязательному нотариальному удостоверению, что придает документу силу исполнительного листа. Означает ли императивная позиция законодателя относительно формы соглашения об уплате алиментов, что представленное суду соглашение супругов, названное в ст. 24 СК РФ, тоже должно быть удостоверено нотариусом? Полагаем, что не стоит столь расширительно толковать нормы закона, хотя интересы несовершеннолетних детей (ребенка) имели бы в таком случае иную степень гарантированности.

Таким образом, СК РФ прямо предусматривает три вида так называемых «соглашений о детях»: о месте жительства, о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка; об алиментах, предъявляя лишь к одному из них требование о соблюдении нотариальной формы.

Безусловно, практически значимым является вопрос выбора механизма договорного регулирования отношений между родителями, один из которых проживает отдельно от ребенка: заключить несколько самостоятельных соглашений или же одно, при этом удостоверить его у нотариуса? Согласимся, на этапе согласования предпочтительным видится второй вариант, поскольку наличие одного документа презюмирует комплексный подход к решению вопросов осуществления родительских прав и обязанностей. Однако соглашения между родителями имеют хотя и четко определенный (до достижения ребенком совершеннолетия), но достаточно длительный срок действия. В этот период происходит не только физиологическое взросление ребенка, но и другие изменения в его нравственном, физическом, духовном развитии. Даже пресловутый график общения с родителем, проживающим отдельно от ребенка, объективно будет меняться по мере перехода ребенка из возраста посещения детского сада в период обучения в начальной школе и т.д. В то же время любые изменения и дополнения в соглашение могут быть внесены лишь в той форме, что и само соглашение, то есть только в нотариальной. Безусловно, и те условия соглашения, которые касаются размера и порядка выплаты алиментов, тоже в силу тех или иных причин могут быть подвергнуты изменениям и дополнениям, что однозначно предполагает нотариальное удостоверение, как если бы это было и самостоятельное соглашение.

Таким образом, с точки зрения практической значимости наиболее приемлемым и, наверное, в большей степени обеспечивающим интересы ребенка и его родителей, видится вариант заключения самостоятельных соглашений о порядке осуществления родительских прав.

Нельзя не отметить, что семейное законодательство РФ четко определяет семейно-правовой статус сторон соглашения и вид соглашения. Так называемые «соглашения о детях» могут быть заключены только между родителями детей, при этом абсолютно не имеет значения, состоят или состояли ли родители ребенка в браке между собой.

С другой стороны, соглашения, заключаемые между супругами, могут регулировать отношения только между супругами (бывшими супругами). Например, брачный договор не может регулировать «права и обязанности супругов в отношении детей» (п. 3 ст. 42 СК РФ).

Учитывая, что в КоБС РБ относительно недавно появилась специальная статья 76.1 «Соглашение о детях», полагаем интересным установить общие и отличительные черты возможностей и перспектив договорного регулирования отношений между родителями по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь.

Итак, указанная статья КоБС РБ предусматривает: «В Соглашении о детях родители могут определить, с кем из них будут проживать дети, порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно

проживающего родителя, размер алиментов на детей, порядок выезда из Республики Беларусь детей и иные вопросы воспитания и содержания детей, если это не нарушает права и законные интересы детей и других лиц и не противоречит законодательству». Таким образом, предполагается, что в одном документе, который в соответствии с указанной статьей подлежит нотариальному удостоверению, могут быть согласованы все вопросы воспитания и содержания детей.

Обращает на себя внимание следующее. В ч. 1 ст. 76.1 КоБС РБ устанавливается, что родители могут заключить между собой Соглашение о детях, если эти вопросы не разрешены вступившим в законную силу судебным постановлением или не урегулированы Брачным договором, Соглашением о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (Соглашение об уплате алиментов).

Анализ данного законоположения позволяет предположить, что брачный договор, заключаемый между супругами, может регулировать отношения и между родителями и детьми, и что родители могут заключить специальное Соглашение об алиментах.

Обращение к содержанию соответствующих норм КоБС РБ вызывает особый интерес с точки зрения сравнительной характеристики с семейным законодательством РФ.

Согласно ст. 13 КоБС РБ Брачный договор может быть заключен как лицами, вступающими в брак, так и супругами, что аналогично позиции российского законодателя в установлении субъектного состава брачного договора. Но вот применительно к содержанию наблюдаем различия, поскольку в соответствии с КоБС РБ такое соглашение может:

– определять не только имущественные, но и *личные неимущественные права и обязанности* (курсив мой – О.И.) супругов как в период брака, так и после его расторжения;

– регулировать не только прямо обозначенные в названной статье отношения между супругами, но и «иные вопросы взаимоотношений между супругами (порядок несения каждым из них семейных расходов и т.п.), родителями и детьми, если это не нарушает права и законные интересы других лиц и не противоречит законодательству.

Таким образом, супруги могут предусмотреть в Брачном договоре условия, регулирующие отношения между ними как между родителями общих несовершеннолетних детей (ребенка).

Примечательно, что в п. 1 ст. 42 СК РФ формулировка «порядок несения каждым из них семейных расходов» тоже присутствует среди перечня возможных условий брачного договора, в связи с чем весьма часто в правоприменительной плоскости возникает вопрос о составе семейных расходов при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей. Иначе говоря, можно ли разграничить в составе семейных расходов, например, на отдых, средства, потраченные на отдых супругов

(и тогда это может быть условием брачного договора), и средства, потраченные одновременно на отдых детей (и тогда это не может быть включено в брачный договор в силу прямого предписания в п. 3 этой же статьи).

Очевидно, следует признать, что порядок несения семейных расходов представляет собой совершенно иную статью семейного бюджета, не тождественную выплате алиментов на содержание детей (ребенка), в связи с чем позиция законодателя Республики Беларусь представляется более удачной.

Отличительной чертой КоБС РБ является и то, что Соглашение об алиментах может быть заключено только между родителями, т. е. в отношении только детей (ст. 103.1). Напомним, что в силу ст. 99 СК РФ соглашение об уплате алиментов может быть заключено между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, то есть допускается в рамках исполнения любого алиментного обязательства.

Как установлено в ч. 7 ст. 91 КоБС РБ, Соглашение об уплате алиментов не может быть заключено, если алименты уплачиваются в соответствии с заключенным в установленном законодательством порядке Брачным договором или Соглашением о детях, а также вступившим в законную силу судебным постановлением, в которых разрешены вопросы уплаты алиментов на детей.

Соответственно, КоБС РБ допускает возможность выплаты алиментов на детей посредством включения соответствующих условий или в Соглашение о детях, или в Брачный договор, или в Соглашение об алиментах. Напомним, что каждое из упомянутых соглашений подлежит обязательному нотариальному удостоверению.

Безусловно, вопрос выбора договорной конструкции при отсутствии соответствующего судебного постановления решается по усмотрению родителей. При этом позиция законодателей союзного государства едина в части признания равных прав и обязанностей детей, независимо от того, состоят (состояли) их родители в браке между собой или нет.

В то же время, на наш взгляд, «наложение статуса» супруга и родителя в соответствующих нормах КоБС РБ может создать угрозу обеспечения прав и интересов ребенка, в частности, при признании недействительным брака и, соответственно, аннулировании всех его правовых последствий.

Дело в том, что в ст. 49 КоБС РБ исчерпывающим образом определены общие последствия признания брака недействительным, какие-либо исключения, связанные с возможностью сохранения юридической силы брачного договора полностью или частично, отсутствуют. Кстати, следует отметить, что ст. 30 СК РФ не исключает возможности признания судом брачного договора действительным полностью или частично при рассмотрении иска о признании брака

недействительным в интересах так называемого добросовестного супруга.

В то же время законодательство союзного государства предполагает единый подход к установлению правового статуса детей, родившихся в браке, впоследствии признанном недействительным: соответствующее решение суда не влияет на права детей.

Представляет интерес содержащаяся в ч. 4 ст. 49 КоБС РБ норма, согласно которой признание брака недействительным «не исключает возможности заключения Соглашения о детях». Означает ли это, что родители, брак между которыми был признан недействительным, могут заключить только Соглашение о детях? Или же они по своему усмотрению могут заключить как Соглашение о детях, так и Соглашение об уплате алиментов? Можно предположить, что на основании соответствующего решения суда, очевидно, Брачный договор аннулируется, родители же ребенка в новом для себя статусе могут заключить любое из названных Соглашений.

Представляется, что вышеизложенное позволяет утверждать о существовании в законодательстве союзного государства конкуренции соглашений о детях, при этом выбор того или иного соглашения определяется на усмотрение родителей с учетом обеспечения прав и интересов несовершеннолетних детей.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 г. (с изм. по сост. на 25.06.2022 г.). Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

COMPETITION OF AGREEMENTS ON CHILDREN IN THE FAMILY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

The author conducts a comparative legal description of the mechanism of contractual regulation of relations related to the exercise of parental rights and the performance of parental duties when a child lives separately from one of the parents. An analysis of the relevant provisions of the family legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus allowed the author to identify both common and distinctive features, demonstrating at the same time the presence of competition between agreements.

Keywords: *family law, interests of the child, agreement on children, alimony, place of residence of the child, the procedure for communicating with the child.*

About author:

ILYINA Olga – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 15–22.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 347.922.6
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.023

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ И ЛИЦА, КОТОРОЕ ВЕДЕТ ДЕЛО В ИНТЕРЕСАХ ГРУППЫ ЛИЦ

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Осуществляется сравнительный анализ двух субъектов гражданского процесса: представителя в судебном процессе и лица, которое ведет дело в интересах группы лиц. В статье определены общие черты и отличительные особенности каждого из рассматриваемых субъектов, предлагается корректировка положений гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: *представитель, защита прав группы лиц, групповой (коллективный) иск, лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц.*

Процессуальный статус судебного представителя и лица, которое ведет дело о защите прав и законных интересов группы лиц, имеет много общего. Именно поэтому в судебных процессах зачастую происходит смешение данных субъектов гражданского процесса, обусловленное сложностями терминологии, предложенной гл. 22.3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), а также особенностями толкования и применения положений данной главы на практике.

Прежде всего следует отметить, что как при участии в деле представителя, так и в случае рассмотрения дела о защите прав и законных интересов группы лиц, которое ведет специально уполномоченное лицо, действующее от имени и в интересах данной группы, непосредственное участие в судебном разбирательстве лица (лиц), чьи права и законные интересы отстаиваются, не требуется. Однако имеются существенные отличия представительства и защиты прав и законных интересов группы лиц, связанные не только с множественностью лиц на стороне истца и характером заявленных исковых требований.

Согласно ст. 48 ГПК РФ граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. При этом личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя. Таким образом, допускается участие в деле и гражданина, и его представителя. Привлекая к участию в деле представителя, гражданин не лишается своих процессуальных прав как стороны в судебном процессе, не ограничен в их реализации.

© Афтахова А.В., 2022

Члены группы лиц при групповом (коллективном) иске поручают ведение дела лицу, которое отстаивает их права и законные интересы. При этом сами члены группы лиц имеют ограниченные процессуальные права. Так, члены группы лиц в рамках группового (коллективного) иска лишены распорядительных прав, реализация которых может привести к прекращению процессуального правоотношения, таких как право на отказ от иска, признание иска, утверждение мирового соглашения. Кроме того, членам группы лиц не предоставлены права заявлять отводы, ходатайства, представлять доказательства, выступать в суде, давать пояснения и др. Полным объемом процессуальных прав по делам, связанным с защитой прав и законных интересов группы лиц, обладает только лицо, которое ведет дело в защиту интересов группы лиц. Таким образом, рассматриваемые субъекты гражданского процесса существенно различаются по процессуальному статусу представляемых лиц.

В соответствии с требованиями ст. 49 ГПК РФ представителями в суде могут быть дееспособные лица, полномочия которых надлежащим образом оформлены и подтверждены (за исключением лиц, которые участвуют в суде в качестве представителей правоохранительных органов или законных представителей). Документом, подтверждающим полномочия представителя на ведение дела, является доверенность, выданная и оформленная в соответствии с требованиями действующего законодательства. Как правило, доверенность на ведение дела от физического лица подлежит нотариальному удостоверению, а доверенность, предоставленная юридическим лицом своему сотруднику, выдается за подписью руководителя данной организации или иного уполномоченного на это лица, и скрепляется печатью этой организации. Таким образом, для ведения дела в суде в качестве представителя доверенность является обязательным документом.

Ведение дела в интересах группы лиц не предполагает наличие доверенности, что прямо закреплено абз. 3 ч. 1 ст. 244.22 ГПК РФ. Основанием для ведения дела в интересах группы лиц, исходя из буквального толкования положений рассматриваемой статьи, является заявление о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, поданное этим лицом, а также прямое указание данного лица в исковом заявлении, поданном в защиту прав и законных интересов группы лиц. Таким образом, лицу, которое ведет дело в интересах группы лиц, достаточно являться членом этой группы, поддерживать заявленные требования и быть избранным в качестве «уполномоченного» лица на ведение соответствующего дела от имени и в интересах группы лиц.

Согласно ч. 2 ст. 49 ГПК РФ представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую

помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Таким образом, установлены определенные требования к квалификации представителей, выступающих в защиту прав и законных интересов граждан и организаций в определенных судах и судебных инстанциях.

Адвокаты должны представить суду документы, удостоверяющие статус адвоката в соответствии с федеральным законом; иные оказывающие юридическую помощь лица должны представить суду документы о своем высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности. Применительно к лицам, ведущим дело в защиту интересов группы лиц, несмотря на сложность и многоаспектность данной категории дел, подобных требований не установлено. Следовательно, лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, не обязательно должно иметь высшее юридическое образование или обладать специальными познаниями в сфере юриспруденции, такому лицу достаточно соответствовать вышеуказанным критериям (являться членом группы лиц, оформить заявление о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, а также быть избранным группой лиц в качестве лица, «уполномоченного» на ведение дела в интересах группы лиц).

В качестве одного из критериев, по которому следует рассматривать соотношение указанных субъектов гражданского процесса, можно выделить обязательность их участия в судебном разбирательстве. Так, обращение за квалифицированной юридической помощью и привлечение в процесс представителя является правом, а не обязанностью стороны, участвующей в деле. Следовательно, гражданин или юридическое лицо могут не обращаться за помощью представителя и самостоятельно вести свое дело в суде.

Если говорить о групповом (коллективном) иске, то наличие лица, которое ведет дело интересах группы лиц, является обязательным условием для принятия к производству соответствующего искового заявления, а также для его дальнейшего рассмотрения. Более того, прекращение полномочий лица, которое ведет дело в интересах группы, при отсутствии его замены является основанием для прекращения производства по делу. Отсутствие (или прекращение полномочий) представителя подобных процессуальных последствий не влечет.

Важным аспектом является основание возникновения полномочий каждого из рассматриваемых субъектов гражданского процесса. Представитель может быть привлечен к участию в судебном процессе на основании договора с доверителем (стороной в процессе), а также назначен судом при отсутствии представителя у ответчика, место жительства которого не известно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях.

Лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, привлекается на основании добровольного согласия всех (или большинства) членов группы лиц. Следует при этом обратить внимание на отсутствие в процессуальном законодательстве четкой регламентации формы выражения подобного согласия. Единственным документом, который так или иначе отражает мнение группы лиц по групповому иску, является собственно исковое заявление, в котором указывается кандидатура лица, которое ведет дело в интересах группы лиц. Вместе с тем предусмотрен процессуальный порядок замены такого лица по различным причинам. Оснований для назначения в судебном порядке соответствующего лица для ведения конкретного дела в интересах группы лиц гражданским процессуальным законодательством не предусмотрено.

При этом прекращение полномочий лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, возможно исключительно в судебном порядке на основании определения суда. Прекращение же полномочий представителя в случае, когда его участие в процессе обусловлено взаимной договоренностью между представителем и доверителем, осуществляется также по взаимному согласованию сторон, без участия суда.

Полномочия представителя сходны с полномочиями лица, которое ведет дело в защиту интересов группы лиц, поскольку рассматриваемым субъектам гражданско-процессуальных правоотношений предоставлено право на совершение всех процессуальных действий. Вместе с тем права представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должны быть специально оговорены в доверенности, выданной представляемым лицом. Таким образом доверитель может ограничить круг процессуальных прав представителя. Кроме того, соглашением (договором), заключенным между представителем и представляемым лицом, может быть предусмотрено, что представитель обязан согласовывать определенные процессуальные действия со своим доверителем, регулярно отчитываться о ходе судебного процесса, а также о результатах выполненных работ.

Полномочия лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, не ограничены никаким документом. Единственным исключением может выступать нотариально удостоверяемое соглашение о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц, право на заключение которого предоставлено членам группового (коллективного) иска.

Заключение данного соглашения является правом, а не обязанностью членов группы лиц, поэтому можно заключить, что никаких обязательных документов, регламентирующих полномочия лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, процессуальным законодательством не предусмотрено. По общему правилу лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, действует самостоятельно, добросовестно и разумно, отстаивая процессуальную позицию и заявленные требования, предварительно не согласовывая свои действия с членами группы лиц.

Представляется целесообразным осуществить более четкую регламентацию процессуальных прав лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, в особенности в отношении распорядительных прав, ненадлежащая единоличная реализация которых лицом, ведущим дело в интересах группы лиц, может повлечь нарушение прав и законных интересов членов данной группы.

В главе 22.3 ГПК РФ отсутствует указание на обязанность лица, которое ведет дело в защиту прав и законных интересов группы лиц, регулярно отчитываться перед членами группы лиц о ходе судебного разбирательства, промежуточных результатах и выполненных работах. Предположительно, данная обязанность может быть закреплена в соглашении группы лиц, однако прямого указания на данную необходимость процессуальное законодательство не содержит. Отношения представителя и доверителя, как правило, оформляются договором, в котором стороны оговаривают необходимость представления отчетности о работах и услугах, оказанных исполнителем за определенное время, о чем, как правило, подписывается акт выполненных работ или оказанных услуг. Кроме того, представитель регулярно информирует заказчика о ходе дела, что не предусмотрено в качестве обязанности для лица, которое ведет дело в интересах группы лиц.

При утрате доверия группы лиц, когда большинство членов группы лиц предполагают, что лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, действует недоброосовестно и недостаточным образом защищает права и законные интересы группы лиц (что может быть выражено, в том числе, в промежуточных результатах судебного разбирательства, а также в результате рассмотрения группового (коллективного) иска по существу), члены группы лиц вправе ходатайствовать о замене лица, которое ведет дело в защиту интересов группы лиц. Вопрос о замене представителя по делу решается стороной судебного разбирательства и не требует участия суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 244.22 ГПК РФ лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, вправе поручить ведение дела представителю, если иное не предусмотрено соглашением группы лиц. Таким образом, представитель является факультативным субъектом по отношению к

лицу, которое ведет дело в интересах группы лиц, поскольку последний может выступать в роли доверителя в правоотношении «клиент – представитель». Вместе с тем, если иное не предусмотрено соглашением группы лиц, лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, самостоятельно выбирает кандидатуру представителя, контролирует его деятельность и ход судебного разбирательства, несет ответственность за его действия.

В качестве еще одного отличия процессуального статуса представителя и лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, можно назвать порядок прекращения их полномочий. Полномочия представителя прекращаются по общим правилам, закрепленным для договорных правоотношений:

– по соглашению сторон;

– в одностороннем порядке в случае нарушения условий договора одной из сторон;

– по истечению срока.

Прекращение полномочий лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, осуществляется исключительно в судебном порядке и предполагает достаточно сложную процедуру, связанную с уведомлением лиц, присоединившихся к группе лиц, а также обязательную замену данного лица.

Важнейшим отличием рассматриваемых субъектов гражданского процесса является наличие собственного интереса в исходе дела. Представитель в гражданском процессе в случае неблагополучного результата (в зависимости от занимаемой процессуальной позиции) несет, прежде всего, репутационные риски. Кроме того, в случае отрицательного результата представитель будет лишен так называемого «гонорара успеха» – денежной суммы, которая по предварительному соглашению сторон может быть выплачена представителю в случае удовлетворения требований представляемого лица.

Лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, по общему правилу является членом данной группы лиц. Таким образом, удовлетворение группового (коллективного) иска положительно отразится на самом данном лице, поскольку в числе членов группы лиц его индивидуальные требования также будут удовлетворены. Персональная заинтересованность в исходе дела, предположительно, должна отразиться на качестве реализации данным лицом своих полномочий.

Таким образом, процессуальный статус лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, и представителя в судебном процессе существенно отличаются, что позволяет говорить о том, что рассматриваемые субъекты гражданского процесса самостоятельны, имеют собственные, присущие им признаки, права и обязанности, характерные особенности. При этом суды и практикующие юристы

зачастую при указании лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, пренебрегают терминологией, предложенной ГПК РФ, используя более привычные термины «истец» и «представитель истца». Такое указание, на наш взгляд, является нарушением и не позволяет в полном объеме определить процессуальный статус лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, в качестве субъекта гражданского процесса, а также обеспечивает возможность смешения понятий «представитель» и «лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц».

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE REPRESENTATIVE AND THE PERSON WHICH DOES CASE IN THE INTERESTS OF A GROUP OF PERSONS

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

A comparative analysis of two subjects of the civil process is carried out: a representative in the trial and a person who conducts a case in the interests of a group of persons. The article defines the common features and distinctive features of each of the subjects under consideration, and proposes an adjustment to the provisions of civil procedural legislation.

Keywords: *representative, protection of the rights of a group of persons, class (collective) action, a person who conducts a case in the interests of a group of persons.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD of philosophical sciences, Associate Professor, Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru.

Афтахова А.В. К вопросу о соотношении процессуального статуса представителя и лица, которое ведет дело по иску в интересах группы лиц // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 23–29.

УДК 343.28
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.030

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

М.А. Воднева

УО «БИП – Университет права и социально-информационных технологий»,
г. Минск, Республика Беларусь

Обозначена проблема справедливой реализации уголовно-правовых норм, которая может быть разрешена путем научно обоснованной оптимизации системы наказаний. Использование сравнительно-правового метода позволит выявить перспективные тенденции в зарубежном уголовном законодательстве, которые могут быть учтены и с некоторыми поправками внедрены в Уголовный кодекс Российской Федерации. Основные теоретические результаты исследования состоят в предложении о включении в систему наказаний нового вида наказания – принудительное выдворение за пределы Российской Федерации.

Ключевые слова: *справедливость, наказание, принудительное выдворение.*

В условиях либерального развития государства на всех уровнях сохраняет актуальность вопрос о наличии критерия для оценки оправданности существования социально-политических институтов и структур, в пределах которых протекает жизнь людей, а также нормативно-правовых предписаний, представляющих собой указания к поведению каждого отдельного человека внутри социума. Сегодня главным критерием, с которым должна соизмеряться правовая материя, выступает система морально-этических ориентаций общества, объединенных понятием «справедливость». Одно из современных научных определений этики позволяет рассматривать справедливость как «представление о должном, нравственно санкционированном порядке взаимоотношения между членами общества, который задан соразмерностью выгод и потерь, преимуществ и тягот совместной жизни на основе прав, выражающих равное нравственное достоинство каждого человека, обязанностей, определяющих степень участия индивидов в поддержании общественной кооперации, а также качества совершаемых ими поступков, которое создает принцип дифференциации прав и обязанностей» [5, с. 73].

Уголовный закон интерпретирует справедливость в качестве принципа, который сводится к следующему: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; никто не может нести уголовную

© Воднева М.А., 2022

ответственность дважды за одно и то же преступление (ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Учитывая, что самой естественной и самой распространенной формой реализации уголовной ответственности является наказание, принцип справедливости находит отражение в одной из его целей – восстановление социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и далее получает развитие в норме об общих началах назначения наказания судом (ст. 60 УК РФ) [1].

Обозначенный в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, будучи адресован и к законодателю, и к лицам, участвующим в осуществлении правосудия, требует от них при формулировании уголовно-правового запрета и вынесении решения по уголовному делу учитывать нравственные представления о добре и зле, о гранях преступного и непреступного, а также уровень человеческой свободы в демократическом правовом обществе и государстве. Как верно заметили Ю.А. Дронова и Л.В. Туманова, «справедлив тот закон, который соответствует запросам общества и способен защищать интересы большинства, не ущемляя при этом основных прав меньшинства» [7, с. 119].

В целях полного соблюдения принципа справедливости в уголовно-правовой сфере содержание и порядок применения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия должны учитывать требования морали, разумной человечности и экономические ресурсы государства. В современных юридических исследованиях, масс-медийных выступлениях и повседневных дискурсах рядовых граждан отмечается потребность в обдуманной и разумной корректировке системы наказаний, закрепленной в уголовном законе. Ее задача – предусмотреть такие виды наказаний, которые одновременно воплощали бы идею возмездия, служили исправлению, обезвреживанию преступника и гарантировали эффективную компенсацию вреда, причиненного потерпевшему.

Анализ отдельных положений законодательства стран СНГ, имеющих сходные исторические и правовые условия развития, позволит вычленить перспективные тенденции и обосновать предложения по совершенствованию санкций уголовно-правовых норм, либо отклонить их с учетом специфики российской правовой культуры, конституционных и иных отраслевых принципов права. Так, в УК Туркменистана в качестве обеспечительной меры по возмещению причиненного преступлением вреда определено наказание в виде возложения обязанности загладить причиненный вред (п. а ч. 1 ст.44), которое применяется и в качестве основного, и в качестве дополнительного, даже в тех случаях, когда компенсируемый вред выходит за рамки состава преступления (например, причинен преступлением с формальным составом). Обязанность загладить причиненный вред может возлагаться в любой из трех форм или их

сочетании: а) непосредственное устранение причинённого вреда (предполагает использование осужденным своих сил и средств для восстановления или ремонта поврежденного имущества); б) возмещение материального и морального вреда (состоит в выплате адекватной денежной компенсации, передачи новой вещи взамен поврежденной или уничтоженной; совершение при этом каких-либо полезных для потерпевшего или для общества действий, независимо от вида причиненного ущерба (уход за пострадавшим); в) принесение публичного извинения потерпевшему. В контексте восстановления социальной справедливости возмещение причиненного преступлением вреда неотделимо от моральной сатисфакции потерпевшего за негативные изменения в различных сферах его жизнедеятельности вследствие нарушения его прав либо посягательства на них, что позволяет в некоторой степени минимизировать вредные последствия, причиненные преступлением. Вместе с тем, логично предположить, что специальным условием назначения этого вида наказания будут выступать наличие реальной возможности загладить вред и личные способности виновного к этому. То есть пригодность данного вида наказания для цели восстановления социальной справедливости малозначительна, т. к. возможность его назначения находится в жесткой зависимости от индивидуальных (главным образом, трудовых) характеристик осужденного и его объективной возможности удовлетворить притязания потерпевшего [4].

Далее, уголовный закон Туркменистана предусматривает такой вид наказания, как возложение обязанности проживания в определенной местности (ч. 1 ст. 44, ст. 51-1), которое заключается в удалении осуждённого из места его жительства с обязательным поселением в определённой местности на срок, установленный приговором суда. Карательная сущность этой меры уголовно-правового воздействия состоит в ограничении права осужденного свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Туркменистана, а в значительной степени – и жилищных, трудовых прав, гарантированных Конституцией, т. к. переезд на новое место жительства может повлечь за собой ухудшение условий проживания, увольнение с работы и т. д. Смысл данного наказания заключается в том, что восстановление социальной справедливости, исправление преступника и предупреждение совершения им новых преступлений может быть достигнуто при условии удаления его из той среды, в которой было совершено преступление, без изоляции от общества. В современных условиях применение данной санкции по Уголовному кодексу Туркменистана требует специального обоснования: если суд придет к выводу, что пребывание осужденного в определенной местности подвергает опасности общественные интересы [8]. На наш взгляд, достижение цели частной превенции посредством назначения данного вида наказания весьма спорно (родственные связи с

осужденным ослабевают или прерываются, адаптироваться к социально полезному или, по крайней мере, допустимому поведению на новом месте жительства для него зачастую сложно, что с большой степенью вероятности ведет к асоциальному поведению). Ситуация, когда регистрация гражданина России по месту жительства (пребывания) смыкается с его статусом осужденного, является, на наш взгляд, не только малоэффективной, но и антигуманной, дискриминационной, противоречащей Конституции Российской Федерации практикой, следовательно, ее включение в национальное законодательство недопустимо.

В систему наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Узбекистан, включено лишение определенного права, которое состоит в запрещении виновному в течение назначенного судом срока занимать те или иные должности на предприятиях, в учреждениях или организациях либо заниматься той или иной деятельностью (п. б ст. 43, ст. 45) [3]. По содержанию данная мера государственного принуждения аналогична лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), в то время как ее название имеет более широкое значение и скорее совпадает с понятием «поражение в правах» (т. е. изменение юридического положения лица, которое оно имело до осуждения). Один из крупнейших дореволюционных русских юристов И.Я. Фойницкий полагал, что государство имеет право поражать не только политические и общественные, но и гражданские права (т. е. семейные и имущественные), но действительное введение такового лишения в систему уголовных наказаний не может быть допущено, поскольку граждане пользуются ими независимо от индивидуальных качеств [9]. В соответствии со ст. 31 Уголовного кодекса РСФСР (в ред. 1926 г.) устанавливались следующие виды поражения прав: а) избирательного права; б) права занимать выборные должности в общественных организациях; в) права занимать государственные должности; г) права носить почетные звания; д) родительских прав; е) права па пенсию, выдаваемую в порядке социального страхования и государственного обеспечения. В условиях развития гражданского общества при наполнении содержанием данного вида наказания исходим из того, что объем правопоражений должен быть ограничен, иметь разумное и законное основание, а современная система наказаний должна содержать исчерпывающий перечень правоограничений. Наделять суд неопределенно-широкими дискреционными полномочиями при назначении наказаний неверно: наступающие правоограничения могут применяться лишь в том случае, если включают в себя карательную или профилактическую составляющие и способны принести должный эффект в вопросах достижения задач уголовного закона. Как правильно указывал Н.С. Таганцев, «совершение преступлений особенно тяжких, …

лишает виновного доверия государства и, следовательно, лишает его права занимать такие должности, заниматься такой деятельностью, которая предполагает особое доверие к исполнителю; … тех почестей и прерогатив, того особого положения, которое он занимал в государстве вследствие ли его прежних личных заслуг …» [9]. Правопоражение прежде всего затрагивает общественную и служебную сферы деятельности виновного – как по отношению к правам и привилегиям, уже приобретенным, используемым, так и по отношению к самой возможности их приобретения. Поэтому нам представляется разумным, что право выбора лишения прав сегодня строго очерчено российским законом и сводится к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), а также лишению специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ).

Если возместить причиненный преступлением вред виновное лицо можно принудить (пусть даже его возмещение в полном объеме не гарантировано), то избавить российское общество от присутствия в нем индивида, совершившего тяжкие и особо тяжкие преступления в рамках существующей системы уголовных наказаний невозможно. Например, санкциями ст. 361 УК РФ предусмотрено максимально суровое наказание, применяемое в настоящее время в России, – пожизненное лишение свободы. Однако осужденные к нему хотя и на длительные срок, но не гарантированно исчезают из жизни общества: согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ по истечении 25 лет с момента вынесения приговора у них возникает право на условно-досрочное освобождение. Кроме того, такое наказание не назначается женщинам, несовершеннолетним и тем, кому к моменту вынесения приговора исполнилось шестьдесят пять лет. А вместе с тем, как показывает мировой опыт, дети и подростки выступают оптимальным объектом внушения для последующего террористического использования, а женская роль в терроризме растет, в частности, в Израиле, Ираке, Иордании, Ливане, Чечне.

Уголовные законы Республики Казахстан (п. 4 ч. 3 ст. 40, ст. 51) и Республики Азербайджан (п. 42.0.9 ст. 42, ст. 52) предусматривают наказание в виде принудительного выдворения за пределы республики иностранца или лица без гражданства. Нет сомнений в том, что иностранцы и лица без гражданства, осужденные за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, после отбытия наказания становятся нежелательными для нахождения на территории государства, против интересов которого они совершили преступление, и подлежат выдворению за ее пределы после отбытия основного наказания. Исследуя различные вопросы, касающиеся выдворения преступников из страны пребывания, представитель Пенитенциарной службы Министерства юстиции Азербайджанской Республики М.Г. Гумбатов предложил применять принудительное выдворение за пределы Азербайджанской

Республики взамен основного наказания [6]. Несомненно, это позволит сократить расходы на содержание осужденных и поможет избежать громоздкой процедуры по решению вопроса о передаче этих осужденных своим государствам для дальнейшего отбывания наказания. Но в таком случае рассматриваемая мера государственного принуждения перестает выполнять социальную функцию уголовного наказания (восстановление нарушенного преступлением общественного порядка, заглаживание нанесенного потерпевшему вреда, удовлетворение общественной потребности в наказании виновного, укрепление веры в способности правоохранительных органов бороться с преступностью и защищать права и законные интересы граждан, общества или государства и т. д.) и становится лишь легитимной процедурой изгнания лица, посягнувшего на правоохраняемые ценности определенной страны, за ее пределы в целях экономии уголовной репрессии.

Рассмотрев преимущества и недостатки отдельных видов наказаний, отсутствующих в системе наказаний УК РФ, считаем целесообразным дополнение ст. 44 УК РФ таким видом наказания, как принудительное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации и запрещение въезда на ее территорию (бессрочно или на определенный срок), а также введение в УК РФ новой статьи, которая может быть изложена в следующей редакции: «принудительное выдворение за пределы Российской Федерации в качестве дополнительного наказания назначается при осуждении иностранного гражданина и лица без гражданства за тяжкие и особо тяжкие преступления к наказанию в виде лишения свободы и исполняется после отбытия основного наказания». Данный вид наказания не выходит за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для восстановления социальной справедливости как уголовно оправданного результата. Применение данного наказания в качестве дополнительного факультативного наказания приведет к исключению субъекта, совершившего тяжкие и особо тяжкие преступления, из нормальных социальных отношений с нашим государством и разорвет политико-правовую связь с ним, чем будет способствовать обеспечению безопасности лиц, проживающих в пределах России, от дальнейших посягательств данного преступника на определенное время (либо бессрочно). В таком случае восстановление социальной справедливости становится достижимым не только посредством принуждения лица к определенному варианту поведения (в рамках основного наказания), но также путем удаления субъекта из сферы общественных отношений, организованных на определенной территории (в рамках дополнительного наказания).

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII (ред. от 02.03.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.1.1999 г. № 787-IQ (ред. от 26.04.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 г. № 222-I (ред. от 13.11.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Барсук И.А., Свирид А.С. Социальная справедливость как фундаментальная константа белорусской государственности: философско-исторический анализ // Философия и социальные науки. 2014. № 2. С. 69–74.
6. Гумбатов М.Г. Наказание в виде принудительного выдворения за пределы Азербайджанской Республики // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 57–61.
7. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 113 – 122.
8. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана. Постатейный / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31562738 (дата обращения: 21.06.2022).
9. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. По изданию 1902 года. [Электронный ресурс]. URL: https://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum106/print1017.html (дата обращения: 01.06.2022).

Об авторе:

ВОДНЕВА Мария Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета УО «БИП-Университет права и социально-информационных технологий» (220004, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Короля, 3), ORCID: 0000-0002-7649-6837, Researcher ID: G-9664-2017, SPIN-код: 1540-1858, e-mail: mari.vodneva@yandex.ru

THE IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF PENALTIES IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE

M.A. Vodneva

Private Institution: BIP – Institute Jurisprudence, Minsk,
Republic of Belarus

The paper refers to the problem of fair implementation of criminal law norms that can be solved by scientifically based optimization of the penal system. The comparative analysis employed in the paper allows to reveal promising trends in foreign criminal legislation to take them into account and, with some amendments, to introduce into the Criminal Code of Russian Federation. It brings about improvement in present penal system by justifying the inclusion

of a new type of punishment – «compulsory deportation out of Russian Federation».

Keywords: *justice, punishment, compulsory deportation.*

About author:

VODNEVA Maria – senior lecturer of the Department of criminal law and procedure of Law faculty of the Educational Institution «Private Institution: BIP – Institute Jurisprudence» (220004, Republic of Belarus, Minsk, Korolya str., 3), ORCID: 0000-0002-7649-6837, Researcher ID: G-9664-2017, SPIN-код: 1540-1858, e-mail: mari.vodneva@yandex.ru

Воднева М. А. Оптимизация системы видов наказаний в контексте принципа справедливости // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 30–37.

УДК 343.8
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.038

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

О.Г. Ковалев

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Псков

Рассматривается содержание пенитенциарной преступности, ее структура и характеристика, современные тенденции, влияние на безопасность уголовно-исполнительной системы. По результатам проведенного комплексного исследования автором предложены пути противодействия пенитенциарной преступности, повышения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *пенитенциарная преступность, безопасность, учреждения УИС, персонал, подозреваемые, обвиняемые, инфраструктура учреждений УИС, пути совершенствования.*

Факторами, влияющими на эффективность функционирования и обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), являются состояние, тенденции и особенности пенитенциарной преступности. Своевременное, полное и качественное противодействие ей пронизывает все направления безопасности УИС, отраженные в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. [1].

Правовое, организационное, оперативно-режимное, психолого-педагогическое, инженерно-техническое, информационное и компьютерное обеспечение безопасности учреждений УИС содержат в себе различные формы, методы, приемы и технологии выявления, профилактики и противодействия пенитенциарным преступлениям [2, с. 23].

Современное состояние профилактики и противодействия пенитенциарной преступности, организации безопасности учреждений УИС, запросы пенитенциарной практики и разработанность темы учеными-пенитенциаристами определили выбор темы исследования.

Учитывая практическую значимость проблемы, ее теоретическую разработанность в пенитенциарной науке, проводится комплексное теоретико-прикладное исследование ее правовых, организационных, социальных и психологических основ в контексте современного развития УИС.

Изучая законодательное и ведомственное нормативное правовое регулирование противодействия пенитенциарной преступности, используется контент-анализ определений различных авторов по теме,

© Ковалев О.Г., 2022

сравнительный анализ статистических данных за последние три года, при помощи которых были установлены некоторые тенденции пенитенциарной преступности, ее современная характеристика и особенности проявления в учреждениях УИС.

Пенитенциарная преступность, понимаемая как совокупность преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, находящимися в учреждениях УИС, а также при отбывании наказаний, не связанных с лишением свободы, является специфическим фактором риска функционирования уголовно-исполнительной системы, современной угрозой ее безопасности. В данной связи особо выделяется негативное влияние пенитенциарных преступлений на такие объекты безопасности УИС, как персонал учреждений и органов; лиц, находящихся на их территории; осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также инфраструктуру учреждений [3, с. 305].

Изучение статистических отчетов показало, что в учреждениях УИС благодаря планомерной, системной и целенаправленной профилактической, организационно-правовой, оперативно-режимной, надзорно-охранной, психолого-воспитательной деятельности за последние три года не допущен существенный рост пенитенциарной преступности. Ее уровень сохраняется в пределах 2,1–2,4 на 1 тыс. человек, что, безусловно, свидетельствует о стабильной, управляемой оперативной обстановке в учреждениях УИС, достаточно высоком уровне обеспечения безопасности их объектов.

Более того, отмечается устойчивая тенденция снижения выявления так называемых особо учитываемых преступлений повышенной тяжести, оказывающих негативное влияние на функционирование учреждений, дезорганизующих их деятельность (убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, массовых беспорядков, побегов из-под охраны).

Проведенный анализ статистических данных показал, что чаще всего, более 40 % случаев, совершаются пенитенциарные преступления средней тяжести, около 35 % – небольшой тяжести, 14 % – тяжкие. Только каждое десятое преступление, совершаемое осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, относится к категории тяжких.

Исследование позволило определить уголовно-правовую характеристику современной пенитенциарной преступности, в структуре которой присутствуют преступления против: личности; свободы, чести и достоинства личности; половой неприкосновенности и половой свободы личности; собственности; экономической деятельности; общественной безопасности; порядка управления. При этом значительная часть из них осуществляется посредством групповых противоправных действий, что повышает не только общественную опасность преступных деяний, но и создает дополнительные уголовно-правовые, организационные, оперативно-режимные и другие проблемы предупреждения, выявления,

фиксации, доказывания указанных действий в специфических условиях функционирования учреждений УИС.

Установлена тенденция значительного увеличения преступлений, совершенных в учреждениях УИС, с применением информационно-телекоммуникационных технологий (ст. 135, 137, 150, 158, 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)).

Также выявляются и раскрываются в учреждениях УИС преступления, регламентированные ст. 171.2, 205.1, 205.2, 205.5, 207, 208, 226.1, 228, 228.1, 280, 282.3, 291, 291.2, 313 и 332.1 УК РФ [4].

В ходе исследования были установлены и проранжированы по степени распространенности пенитенциарных преступлений места содержания спецконтингента. Так, наиболее криминогенными являются жилые помещения, в которых размещаются осужденные, и камеры в следственных изоляторах. В них совершается наибольшее количество пенитенциарных преступлений.

Далее по степени убывания ранга распространенности следуют: производственная зона; выводные объекты; административные здания и помещения; комнаты свиданий; прогулочные дворы; медицинские части; столовые; складские помещения; отряды со строгими условиями отбывания наказания; банно-прачечные комплексы; камеры; карцера; коридоры режимных корпусов следственных изоляторов (далее – СИЗО) и тюрем; помещения камерного типа; штрафные изоляторы.

Необходимо отметить, что перечисленные и другие особенности пенитенциарной преступности и ее проявления в учреждениях УИС находятся под постоянным вниманием органов прокуратуры, осуществляющих системный надзор за законностью исполнения уголовных наказаний [5, с. 272].

В ходе исследования также были изучены некоторые направления психологического содержания пенитенциарной преступности, в частности мотивационная сфера лиц, совершающих данные преступления.

Несмотря на ее полимотивированное происхождение, удалось вычленить и осуществить ранжирование по степени распространенности основных, доминирующих мотивов пенитенциарных преступлений. К ним, в порядке убывания, относятся: состояние эмоциональной лабильности при совершении преступления; личная неприязнь; корыстные, а также хулиганские побуждения; конфликт с администрацией учреждения; гедонистический мотив, направленный на улучшение условий содержания и отбывания наказания; уклонение от отбывания наказания; месть; стремление доминировать в криминальном сообществе, борьба за лидерство.

Подтвердилась рабочая гипотеза о том, что состояние и динамика пенитенциарной преступности также определяются особенностями социально-психологической обстановки в среде подозреваемых,

обвиняемых и особенно осужденных, содержащихся в исполнительных учреждениях (далее – ИУ) и СИЗО. Изучение и анализ рассматриваемого социально-психологического феномена может использоваться в прогностической деятельности администраций учреждений УИС, определении вероятности и моделей реагирования на возникновение групповых форм деструктивного поведения, других негативных социально-психологических процессов, влияющих на эффективное обеспечение безопасности.

Исследованием установлено, что более 90 % пенитенциарных преступлений совершаются с использованием запрещенных к обороту в учреждениях УИС колюще-режущих предметов, что, несомненно, актуализирует организацию проведения мероприятий по предотвращению их попадания в учреждения, перекрытия каналов доставки, дальнейшую активизацию проведения плановых и внеплановых обыскных и досмотровых мероприятий по изъятию запрещенных предметов для обеспечения безопасности в учреждениях.

В целях предупреждения, своевременного выявления, пресечения и раскрытия пенитенциарных преступлений, снижения их негативного влияния на оперативную обстановку, уровень и качество обеспечения безопасности учреждений УИС предлагается сосредоточить организационно-тактические, управленческие и методические ресурсы и усилия служб и подразделений учреждений УИС на следующих действиях:

– укрепление правопорядка и законности в учреждениях УИС;

– совершенствование ведомственного контроля в данной сфере;

– усиление прокурорского надзора на рассматриваемом направлении;

– повышение качества оценки и мониторинга эффективности деятельности учреждений и органов УИС, а также мониторинга рецидива и повторности совершения преступлений лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы;

– обеспечение прав и законных интересов заключенных под стражу и осужденных;

– привлечение к ответственности должностных лиц за превышение полномочий, совершение правонарушений и должностных преступлений (в том числе коррупционной направленности);

– обеспечение контроля за применением сотрудниками физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

– размещение подозреваемых, обвиняемых и осужденных в соответствии с нормами законодательства;

– создание условий раздельного содержания отдельных категорий лиц в учреждениях УИС;

– эффективное осуществление оперативно-розыскных мероприятий в отношении осужденных за экстремизм и терроризм;

– противодействие проникновению в исправительные учреждения радикально настроенных лиц с целью пропаганды экстремистской идеологии;

– выявление таких лиц из числа осужденных, принятие к ним своевременных мер профилактического и правового воздействия;

– повышение эффективности мероприятий по профилактике побегов заключенных под стражу и осужденных;

– выявление лиц, склонных к деструктивному поведению;

– предупреждение конфликтных ситуаций, преступлений и групповых протестных акций;

– надлежащая изоляция лидеров отрицательной направленности;

– пресечение доставки в учреждения УИС запрещенных предметов, в том числе с использованием современных технологий беспилотных управляемых летательных аппаратов;

- обмен информацией с другими правоохранительными органами при условно-досрочном освобождении осужденных, обнаружение и задержание лиц, находящихся в розыске;

– обеспечение стабильного железнодорожного конвоирования;

– своевременная полная диагностика, выявление и постановка на профилактический учет лиц, склонных к побегам, агрессивным действиям, фрустрации, депрессии и суициду, имеющим психические отклонения;

– проведение психокоррекционных мероприятий с указанными категориями заключенных под стражу и осужденными;

– оказание систематического психологического и воспитательного воздействия на перечисленные категории лиц;

– психологическое обеспечение персонала;

– формирование и поддержание психологического климата в коллективах сотрудников;

– мониторинг и прогностическая оценка социально-психологической обстановки в среде подозреваемых, обвиняемых и особенно осужденных, содержащихся в ИУ и СИЗО;

– использование в деятельности различных подразделений современных технических средств и технологий с учетом передового опыта, сложившегося в ряде территориальных органов УИС;

– более широкое использование возможностей видеонаблюдения и видеофиксации в учреждениях УИС;

– применение биометрической идентификации спецконтингента при видеонаблюдении за их поведением;

– оснащение органов и учреждений, исправительных центров, изолированных участков, функционирующих в режиме указанных центров, и следственных изоляторов современными интегрированными системами безопасности, техническими средствами охраны и надзора;

– внедрение спутниковых систем глобального позиционирования для мониторинга передвижения специальных транспортных средств, перевозящих осужденных и заключенных под стражу, дополнительное их оборудование приборами видеонаблюдения и связи;

– наблюдение и мониторинг поведения осужденных с использованием технологий электронного контроля, беспроводных технологий и возможностей глобальных навигационных систем ГЛОНАСС;

– использование технологий глушения и подавления радио- и интернет-сигнала в учреждениях УИС и прилегающей к ним режимной территории;

– применение антивирусных программ в служебных персональных компьютерах, защищающих их от несанкционированного доступа.

Таким образом, современная пенитенциарная преступность, являясь фактором риска и угрозой безопасности персонала, спецконтингента и других лиц, инфраструктуры учреждений УИС, как правовое и социальное явление оказывает непосредственное влияние на безопасность УИС, состояние оперативной обстановки, социально-психологический климат в учреждениях УИС.

Одной из важнейших задач эффективного безопасного функционирования УИС является профилактика, выявление и противодействие пенитенциарной преступности с использованием комплекса организационных, оперативно-режимных, психолого-педагогических, инженерно-технических, информационных, компьютерных и технологических мер.

Реализация сформулированных в результате проведенного исследования и других путей противодействия пенитенциарной преступности позитивно отразится на общем уровне обеспечения безопасности, управляемости и стабильности оперативной обстановки, эффективности функционирования учреждений УИС.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www. consultant.ru/documer (дата обращения: 02.04.2022).

2. Вилкова А.В., Ковалев О.Г., Сухарева Е.В. Оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 21–25.

3. Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Историко-правовой анализ регулирования рецидива в отечественном законодательстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 303–307.

4. Обзор о состоянии преступности в УИС за 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0899/barom01.php#_ftn1 (дата обращения: 02.04.2022).

5. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт, 2020. 434 с.

Об авторе:

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор; профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе; Псковский филиал Академии ФСИН России, (Россия, г. Псков, Зональное шоссе, 28); SPIN-код: 8778-5630, AuthorID: 753467; e-mail: okovalev66@gmail.com

THE IMPACT OF MODERN PENITENTIARY CRIME ON THE SECURITY OF INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

O.G. Kovalev

The Academy of the FPS Russia, Pskov

The article examines the content of penitentiary crime, its structure and characteristics, current trends, and the impact on the security of the penal system. Based on the results of a comprehensive study, the author suggests ways to counter penitentiary crime, improve the security efficiency of penal institutions.

Keywords: *penitentiary crime, security, penal institutions, personnel, suspects, accused, infrastructure of penal institutions, ways of improvement.*

About author:

KOVALEV Oleg – doctor of law, candidate of psychological sciences, professor; The Academy of the FPS Russia (Russia, Pskov, Zonal highway, 28), head of the Department of organization of the regime and operational-search activity in the UIS; SPIN-code: 8778-5630, AuthorID: 753467; e-mail: okovalev66@gmail.com

Ковалев О.Г. Влияние современной пенитенциарной преступности на безопасность учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 38–44.

УДК 342.553
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.045

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ (ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ) СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ[1]

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается проблема конституционной модернизации политико-правовой (демократической) системы Российской Федерации; обосновывается актуальность такой задачи и возможные направления ее практического решения. Необходимое научно-правовое содействие конституционной трансформации должно учитывать реалии глобального кризиса миропорядка.

Ключевые слова: *политико-правовая система, конституционная модернизация, мобилизационное законодательство.*

В период резкого обострения геополитического противостояния России и условно-коллективного Запада отечественному правоведению целесообразно дистанцироваться от политологических и публицистических прогнозов и сосредоточиться на разработке нетривиальных нормативно-конструкционных решений. Концептуально и методологически корректной базой для этого выступает конституционное правопонимание, представленное, в том числе, теориями конституционного правопользования [10, с. 40–42] и конституционализации права [8, с. 26–31]. Идея конституционализации проецируется на всю национальную правовую систему (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) вплоть до политической сферы [3, с. 278–281], что позволяет говорить уже о политико-правовой системе Российской Федерации. Поскольку легитимные ресурсы конституционализации ограничены потенциалом Конституционного Суда РФ, прерогативой юридической науки становится участие в смежном процессе конституционной модернизации, в форме не претендующих на конституционную истину обоснований оптимальных нормативных моделей общественной жизни и алгоритмов их практического утверждения. Принципиально корректирует вектор таких исследований актуальный проект мобилизационной трансформации, в связи с которым формат обозначенного соучастия предполагает доктринальное соотнесение с новыми научными представлениями о предмете метаотрасли конституционного права, хотя категория политико-правовой системы в легально-правовой тезаурус номинально не входит [7, с. 7–9].

[1] Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

© Крусс В.И., 2022

Конституция РФ как общий источник национального права является суверенным эталоном и критерием всего *правового* (выделено мной – В.И.), а значит и тех, обозначенных в ее Главе 1 характеристик и основ конституционного строя российского государства (далее – основы государственности), которые не очевидны для конкурирующих идеологем и учений. Кроме того, важно учитывать, что специфика российской конституционной реформы 2020 г. [16] обусловила формально-содержательную и смысловую экстраполяцию ряда основ государственности в положения других глав Конституции РФ. В этой связи уместно задуматься, в частности, о том, каковы *конституционные* (выделено мной – В.И.) ресурсы легитимации представительного (демократического) народовластия, при каких неформальных условиях производная от народа (демократическая) публичная власть остается *конституционной* (выделено мной – В.И.), какие институциональные версии и функциональные алгоритмы допускает российский *конституционный* (выделено мной – В.И.) федерализм. Особенным образом применительно ко всем поставленным вопросам – в реалиях и перспективе мобилизационной модернизации и федеративного «приращения» России – возрастает требование *экономической состоятельности* (выделено мной – В.И.) демократического властвования. При этом, безусловно, без какого-либо умаления верховенства права, в его императивах конституционного взвешенного признания, соблюдения, защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно значимых ценностей, а также принципа федеративного единства социальной политики.

Обоснованность экономических категорий и оценок для конституционной теории политико-правовой системы предопределяется общим междисциплинарным форматом современных гуманитарных исследований. Целеполагание экономической состоятельности («себестоимости» и «рентабельности») актуально для всех ветвей власти. Демократии как одной из основ государственности России нельзя отказать в значении конституционной ценности. Однако это не дает права апологетам сугубо западного (либерального) восприятия демократии отвергать любые сомнения в надлежащем выражении фактически утвердившейся за последние десятилетия «цены-качества» соответствующих институтов и практик. Тем более на фоне выраженной деградации их «аутентичных образцов» в странах Запада [13], и когда Россия вынуждена «сосредотачиваться» под воздействием известных внешних и внутренних факторов и вызовов. Конституционная справедливость и конституционное равенство предполагают, что экономическое бремя подобных издержек не может вести к снижению качества жизни исключительно народа, на фоне «заслуженно-гарантированного» благополучия его власть предержащих представителей. Такое благополучие, как и любое иное в правовом и

социальном государстве, должно быть *заработано* (выделено мной – В.И.). Поскольку в своем персонально-деятельном выражении публичное властвование на профессиональной основе есть форма (способ) осуществления конституционного права на использование своих способностей к труду (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ) [17], а эквивалентная (конституционно-справедливая) оценка и финансовое обеспечение такого труда должны подтверждаться (находить выражение) в его результатах.

Претендуя на содействие конституционной модернизации демократии в России, неправильно отталкиваться от политологической и социологической критики фактических и (или) декларируемых изъянов. Для эмоционального отображения множества примеров деформаций такого рода достаточно жанра «научных очерков» [4, с. 27–33 и др.]. Тогда как для продолжающих подобные обзоры выводов о том, что «у демократии как социального института и инструмента имманентных изъянов и пороков нет и вряд ли могут быть», и потому науке права следует сосредоточиться не на критике демократии, а на проблемах ее «имитационной реализации» публично-властными и управленческими структурами [4, с. 44], – нужны обоснования не обыденные и единомышленники «научно рукопожатные», а не персонажи несистемной оппозиции (К. Собчак и др.). В этой связи не лишне подумать и о конституционной состоятельности российской юридической науки как готовности к ее ответственному, а не *имитационному* (выделено мной – В.И.) возвращению на почву национальной духовно-консервативной традиции.

Ученым-юристам и преподавателям вузов, пребываемым (вместе со студентами) в «правильном дискурсе», наполненном цитатами из Т. Джефферсона, А. Токвиля, Ф. Хайека и – в особенности – Ф. Фукуямы, усомниться в имманентной прогрессивной правильности демократии, действительно, вряд ли получится. Дело, однако, в том, что конституционализм и демократия отнюдь не «близнецы-братья» (В.В. Маяковский). И, думается, ученые-юристы, признающие, что демократия есть, прежде всего, легальная «технология обретения и осуществления государственной власти меньшинством с помощью большинства, но далеко не всегда в интересах и во благо большинства» [6, с. 27–31], – читали более «нужные» (В.С. Высоцкий) для конституционного правопонимания книги. Как, например, философско-правовые труды К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, Л.А. Тихомирова. И потому, они хотя бы «не отмахнутся» от научной метафоры К.П. Победоносцева о демократии как «великой лжи» (и) нашего времени. И задумаются о суровом следовании из этой методологической пропозиции: «Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и

поколений» [12, с. 264–265]. «Купировать» названную ложь можно только посредством конституционной – открытой и обоснованной – легитимации демократии как правления лучших.

Современная демократия, как известно, претендует и на такой атрибут правовой государственности, как неотчуждаемые политические права и свободы граждан (ст. 1 (ч. 1), 2, 17, 18, 31–33 Конституции РФ). Причем претендует *всецело* (выделено мной – В.И.), что как раз и должно быть поставлено под сомнение. Во всяком случае, конституционная модернизация института и механизма учредительной легитимации демократической власти (свободных выборов), далеко не исключает принципиальную перенастройку. Популярное мнение о совершенствовании избирательного законодательства как панацее для приближения демократической власти к конституционному идеалу, не может сводиться на практике к юридико-техническим аспектам доработки традиционных (апробированных) моделей. Поиск новых подходов и решений в данном направлении также нуждается в онтологической корректировке и согласовании с критерием конституционной состоятельности и целью экономической оптимизации. При этом нельзя закрывать глаза и на кардинальные изменения в структуре общественного сознания и укладах жизни современных людей. Но прежде всего, придется признать, что *и в России* (выделено мной – В.И.) воспроизводство и перераспределение властных ресурсов решающим образом происходит сегодня посредством неформальной консолидации политических элит, также отмеченных космополитическими признаками ментального нарциссизма. «Железный закон олигархии» Р. Михельса [11, с. 544–545], проще «не знать», чем «отменить». Однако первое научная юриспруденция позволить себе не вправе. Остается верить, что реальный конституционализм позволяет исключить крайние (неконституционные) проявления одиозного закона. В том числе, опираясь на невероятные в эпоху выработки технократических теорий цифровые технологические ресурсы.

Исходя из наличия в политико-правовой системе России легального и даже опережающего зарубежные достижения субинститута цифровой (электронной) демократии, в особенности же – в перспективе его адаптации к мобилизационной «повестке дня», полагаем, пришло время озаботиться разработкой законодательных конструкций, позволяющих оперативно выявлять консолидированное электоральное мнение о проявлениях конституционно неадекватного восприятия народными представителями своей «элитарной миссии». И затем – по мере цифровой верификации – оперативно транслировать подобные «резолюции» в механизм конституционных ограничений принципа свободного мандата в его соотношении с основными политическими правами, закрепленными в ст. 32 (ч. 1 и 2) Конституции РФ [19]. Во всяком случае, сетевые публичные страницы («паблики») и цифровые платформы

вполне могут быть «настроены» на подобные цели и их реализацию посредством актуализации юридических обязанностей депутатов (принципиально связанных только Конституцией РФ и своей совестью). Обязанностей, хотя бы и обусловленных общим требованием ответственного реагирования власти на доводы и выводы общественного мнения, но уже вполне конкретных, например, в версиях общедоступного персонального официального объяснения или отчета «о проделанной работе». Даже в факультативном по своему юридическому значению варианте (что отнюдь не обязательно) подобные инновации могут существенно повлиять на достоверность бремени конституционной ответственности народных избранников, причем без выхода на гипотетическую стадию традиционных форм не- и переизбрания.

Любое правовое отношение (коммуникация) носит, как известно, представительно-обязывающий характер для его субъектов. В негативном аспекте это касается и юридических издержек (дефектов) отношений между демократическими избранниками и избирателями. Экспансия виртуальной коммуникации неуклонно ведет к фактическому доминированию в электоральной среде диджитал пассионариев, носителей масскультурных клише (включая «лидеров общественного мнения»), искренне полагающих плодами личностного самоопределения «мягко» вмененные им пропагандой и контрпропагандой политические оценки и выводы. В такой ситуации конституционная теория права не может игнорировать доводы социальной философии о рисках расчеловечивания под воздействием идеологии потребления и трансгуманизма. Не вправе юридическая наука оставлять без внимания и примеры критической уязвимости цифровых избирательных инноваций для политически рекрутированных (на возмездной основе) хакеров. Пренебрежительное или скептическое отношение к названным факторам чревато дискредитацией титула правового государства. Реальная демократия в России предполагает конституционно взвешенную дифференциацию правовых режимов избирательных кампаний и правовых статусов их участников. Формальное равенство политических прав и свобод будет приобретать подлинно конституционное значение по мере наполнения механизма пользования ими элементами культивирования «духовного аристократизма», в смысле философии права И.А. Ильина и юридической феноменологии Н.Н. Алексеева [14, с. 14–24]. Творческий горизонт подобных решений чрезвычайно широк. Например, это могут быть гуманитарно-образовательные цензы для избирателей или содержательно «открытая» (общедоступная) и безупречная в политическом, правовом и этическом измерениях история (бэкграунд) для кандидатов на властные должности и посты. Ключевым же элементом конструкций, опосредующих позитивные избирательные права российских граждан и их притязания на публичную службу, на

долгие годы должно стать деятельно проявленное патриотическое отношение претендентов к конституционному долгу и обязанности защиты Отечества, несению военной службы (ч. 1 и 2 ст. 59 Конституции РФ).

Выходя за рамки учредительной и статус-легитимирующей проблематики, отметим, что современная юридическая наука все более склоняется к коренному переосмыслению конституционного значения, роли и функций парламента как в системе (композиции) властных институтов («ослабление позиций»), так и в перспективе интенсификации электронного диалога с институтами гражданского общества (при «парадоксально» низкой популярности народных избранников). Понятиями «эрозии» и «рационализации парламентаризма» охватывается широкий круг объективно предопределенных изменений и тенденций, которые следует оценивать без излишних («негативных») эмоций, учитывая в комплексных планах актуальной модернизации представительных органов власти [15]. В федеративных и глубоко децентрализованных государствах это касается и «региональных парламентов» (и их аналогов).

Проблема оптимизации экономических издержек федеративной демократии отчасти затрагивалась мною применительно к целесообразности эволютивной корректировки задач и параметров деятельности законодательных (представительных) органов власти в субъектах Российской Федерации [9]. Присущие данной сфере издержки были увязаны с недооценкой тенденции и следствий внутренней динамической стабилизации конституционного федерализма. Рекомендации по предупреждению конституционно несостоятельного (паллиативного и компетентно-некорректного) регионального законотворчества вырабатывались с акцентом на ресурсы цифровизации, исходя из того, что разработка и принятие субфедеральных законов имеет вполне определенную (исчисляемую) совокупную и условно-конкретную (средневзвешенную) «цену». Последняя включает и федеральную «стоимость» актуальной нормоконтрольной и конституционной сертификации и нуллификации таких актов. Однако экономически логичный вопрос о «материальной конституционной» ответственности законодателя за допущенный брак в юридической литературе по-прежнему не ставится. Без ответа, к сожалению, осталось и приглашение к научному диалогу о конституционных пределах трансформации российского федерализма.

Проведенные на комплексной эмпирической базе профильные теоретико-правовые исследования обнаруживают, что в настоящее время различия между такими формами территориального устройства, как федерация и регионалистское государство носят символический характер [5, с. 160–165]. Тогда как издержки институционализации двух названных форм разнятся существенно, а купировать риски

центробежных тенденций в федерации значительно труднее, в особенности, когда в фокусе внешней деструкции оказывается конституционный суверенитет [1, с. 368]. Тем не менее мы не предполагаем номинального переопределения конституционной композиции государственного устройства России как федерации, поскольку такое возможно исключительно в силу отказа от самой Конституции РФ, ценность и уникальность которой выражается, в том числе, в широкой инвариантности содержания потенциально генерируемых ее текстом внутренних правовых форм, включая основы государственности. Как следствие, конституционная техника правотворчества позволяет разрабатывать нормативные конструкции, которые будут выражать экономически оптимальные образцы регионального (по сути) публичного властвования в номинации власти субъекта РФ. Исходя из того, что Конституция РФ недвусмысленно утверждает собственное верховенство и высшую юридическую силу, а равно и федеративное верховенство федеральных законов без каких-либо изъятий, допускающих, хотя бы гипотетически, снижение уровня федеральных гарантий конституционного правопользования [20]. При том, что каждый субъект РФ вправе установить в своем законе дополнительные (включая косвенно-регулирующие) гарантии прав человека, направленные на конкретизацию основных (федеральных) гарантий, создание дополнительных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей (условий) и с соблюдением общих конституционных требований [21].

Приведенные доводы показывают известную «иерархическую соподчиненность» конституционных основ государственности. Федерализм как таковой решающего приоритета в этой композиции не имеет. И в том состоит один из признаков его конституционной достоверности. В еще большей степени это характерно для муниципального уровня конституционной демократии [18], включая едва ли не все ее вариативные формы [2]. Поэтому даже объективно обусловленное экстенсивное расширение поля нормотворческой практики в условиях применения в отношении Российской Федерации специальных экономических мер (санкций), введения и действия специальных (локально-территориальных) правовых режимов и временно установленных уровней террористической опасности, – исключает альтернативные или диспозитивные версии разграничения предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, а также появление на субфедеральном и муниципальном уровнях власти нормативных конструкций опосредования прав и свобод человека и гражданина, не отмеченных признаками достоверной необходимости. Более того, есть основания говорить о выраженных признаках иной тенденции: перехода – под эгидой тренда мобилизационного законодательства – к нормотворческой стратегии и модели, в которой

приоритет получает скорее унифицированное, характерное для децентрализованного унитарного (регионалистского) государства взаимодействие высших органов представительной и исполнительной власти, причем не только по линии вертикального наращивания делегированных полномочий, но и в необычном («челночном») алгоритме их взаимодействия. Представительная демократия, тем самым, раскрывает свое функциональное значение как ресурса, конституционно адоптируемого к масштабным и экстраординарным потребностям обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Утвердится ли инновационный правотворческий подход в значении доминирующего, как долго деструктивные внешние факторы будут того требовать, сможет ли российская экономическая и социальная система окончательно переориентироваться на многополярную диспозицию и когда, – для юридической теории и практики, как бы то ни казалось странным, не так уж важно. Важнее другое: фактическое прояснение каждого из названных обстоятельств не касается правоты гипотезы о принципиальной возможности и актуальности модернизации политико-правовой (демократической) системы России, а значит и не препятствует необходимому научному содействию такому движению в направлении, намечаемом сквозь призму национально-культурной идентичности России.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 864 с.

2. Антонова Н.А. Вариативность форм осуществления как принцип организации местного самоуправления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 40–46.

3. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.

4. Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки. М.: Норма, 2022. 152 с.

5. Иванов В.В. Теория государства. М., 2010. 269 с.

6. Керимов А.Д. Современное государство. Вопросы теории. М., 2007. 142 с.

7. Крусс В.И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Том 15. № 2. С. 5–19.

8. Крусс В.И. Конституционализации права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 240 с.

9. Крусс В.И. Конституционный федерализм и состоятельность субфедерального законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 31–35.

10. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.

11. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии [Фрагменты] // Политология: Хрестоматия / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М., 2000. 843 с.

12. Победоносцев К.П. Сочинения / Вступ. ст. и примеч. А.И. Пешкова. СПб., 1996. 509 с.

13. Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/ .

14. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд. М., 2010. 670 с.

15. Фосскулле А. Эрозия парламентской системы в Федеративной Республике Германии // Конституционный суд как гарант разделения властей: сб. докладов. М., 2004. 286 с. С. 220–221.

16. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.04.2013 г. № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.2008 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2003 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

THE POLITICAL AND LEGAL (DEMOCRATIC) SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: RELEVANCE AND DIRECTIONS OF CONSTITUTIONAL MODERNIZATION

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The problem of constitutional modernization of the political and legal (democratic) system of the Russian Federation is considered; the relevance of such a task and possible directions of its practical solution are substantiated. The necessary scientific and legal assistance to constitutional transformation should take into account the realities of the global crisis of the world order.

Keywords: *political and legal system, constitutional modernization, mobilization legislation.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Политико-правовая (демократическая) система Российской Федерации: актуальность и направления конституционной модернизации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 45–54.

УДК 342.72 : 620.3
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.055

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НАНОБИОТЕХНОЛОГИЙ

Т.В. Кувырченкова[1], В.В. Черевко[2]

[1] ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь
[2] Государственный университет управления, г. Москва

Проведено исследование способов правовой защиты прав и свобод личности в условиях развития нанобиотехнологий. В результате проведенного анализа установлено, что в Российской Федерации не принят федеральный закон, закрепляющий механизм правовой защиты прав и свобод человека при внедрении нанобиотехнологий, а также отсутствует действенный механизм государственного контроля за развитием и применением нанобиотехнологий. Некоторые положения в этой сфере содержатся в ряде федеральных законов, подзаконных актах и программах развития. В связи с изложенным, необходимо усовершенствование законодательства, а также создание эффективного механизма контроля за внедрением нанобиотехнологий.

Ключевые слова: *нанотехнологии, нанобиотехнологии, защита прав человека, биологическая безопасность, потенциальные угрозы нанобиотехнологий, нанобиобезопасность, контроль за нанобиотехнологиями.*

Конституция Российской Федерации закрепила основные общепризнанные права и свободы личности, провозгласив их главной ценностью нематериального мира. В современных условиях развития научно-технического прогресса, модернизации российского государства, мировой глобализации актуализировались новые проблемы правового регулирования и реализации прав и свобод человека. Настоящие вызовы связаны с развитием нанотехнологий и нанобиотехнологий, применение которых представляет потенциальную опасность для человека, его здоровья, среды обитания.

В связи с этим целью данной работы стало исследование способов правовой защиты прав и свобод человека в условиях развития нанобиотехнологий. Вопросы правовой защиты прав человека при развитии и применении нанобиотехнологий не исследовались комплексно, в полном объеме.

Нанобиотехнологии – это междисциплинарный комплекс знаний, находящийся на стыке биологии и нанотехнологий. Это технология, появление которой в корне меняет всю картину мира, представление о формах и понятиях «живого» и «неживого». В рамках нанобиотехнологий формируются три направления: наномедицина, биомиметика и разработка методов и способов привнесения

© Кувырченкова Т.В., Черевко В.В., 2022

искусственных наноразмерных частиц, различных материалов и интерфейсов в живые системы. Таким образом, прорывная область науки может нести в себе изначально скрытые угрозы для человека как биологического существа, его личных прав и свобод. В связи с этим необходимо разработать меры правового и организационного характера по обеспечению жесткого контроля со стороны государства за распространением нанобиотехнологий.

В мире возрастает внимание к перспективам развития нанотехнологий и нанобиотехнологий. Многие страны мира принимают соответствующие программы. Одними из первых были США, где в 2000 г. президент Б. Клинтон подписал «Национальную нанотехнологическую инициативу».

В России в 2008 г. Правительством РФ была одобрена «Программа развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года». В ней нанообъект определяется как объект, линейный размер которого хотя бы в одном направлении составляет порядка 1 – 100 нм [1]. В 2012 г. Правительством РФ принимается «Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года», где дается легальное определение нанобиотехнологий, под которыми понимается создание и использование биомолекул как компонентов нанотехнологий [2]. В этих программных документах формулируются возможные угрозы, возникающие при реализации нанотехнологий и нанобиотехнологий в том числе. Формирующиеся вызовы обусловлены спецификой технических решений, основанных на самоорганизации, высокой адаптивности, самообучаемости и самовоспроизводимости [2]. Но положения программных документов носят рекомендательный характер.

В 2014 г. Правительство РФ утверждает «Прогноз научно-технического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Документ содержит положения о том, что значимым прорывом следующего десятилетия может стать молекулярное производство макроскопических объектов. Конвергенция нано-, инфо-, био- и когнитивных технологий в перспективе сможет послужить залогом повышения продолжительности активной стадии жизни человека. В нем же говорится и о потенциальных опасностях для человека: угроза негативного воздействия нанопродуктов на здоровье и безопасность человека; угроза неконтролируемого распространения продуктов, производимых с использованием нанотехнологий; распространение новых загрязняющих веществ (в т.ч. наночастиц) в окружающей среде [3]. Документ не содержит императивных норм.

В 2006 г. распоряжением Правительства РФ была одобрена «Программа координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации», где определено одно из

перспективных направлений развития: разработка нанобиотехнологий [4].

Это лишь некоторые документы, содержащие те или иные положения о перспективах внедрения результатов нанобиотехнологий, но все они носят рекомендательный характер. В них обозначены возможные риски реализации таких технологий, но конкретные пути решения проблем не определены.

На сегодняшний день действует ряд федеральных законов, призванных охранять личные права и свободы личности: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Федеральный закон от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и другие, но их положения не содержат нормы о контроле за нанобиотехнологиями.

30 декабря 2020 г. принимается Федеральный закон № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», заложивший основы нормативно-правового регулирования в области обеспечения биологической безопасности. Но закон не содержит положения, определяющие возможные угрозы применения нанобиотехнологий, а также способы защиты прав и свобод граждан в области обеспечения нанобиобезопасности. Его нормы, касающиеся в целом биологической безопасности, по мнению А.А. Мохова, рамочные и фрагментарные [5, с. 18]. Он же указывает на то, что в числе предложений в области обеспечения биологической безопасности все чаще звучат: разработка деловым сообществом стандартов управления биологическими рисками; разработка правил, кодексов поведения для ученых [6, с. 43]. При разработке стандартов, полагаем, необходимо закрепить отдельные положения, посвященные нанобиотехнологиям.

Действуют также подзаконные акты, некоторые положения которых посвящены в той или иной степени нанобиотехнологиям. Например, Приказ Росстата от 27.07.2018 г. № 461 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью предприятий», Распоряжение Правительства РФ от 07.07.2011 г. № 1192-р «Об утверждении категорий продукции наноиндустрии в части товаров и услуг», Приказ Минпромторга России от 16.09.2020 г. № 3092 «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики» и т. д.

Итак, можно утверждать, что прорывное развитие нанобиотехнологий создает широкие возможности для модернизации российского государства, но в то же время вызывает определенные проблемы для обеспечения и защиты прав и свобод человека, т. к. эта сфера в Российской Федерации не получила должного законодательного закрепления, хотя право должно научно предвидеть вероятные инновационные изменения, стимулировать их развитие и определять скрытые угрозы для человека при их применении.

По результатам научного анализа можно считать установленным, что в Российской Федерации отсутствует единый федеральный закон, содержащий правовые положения, закрепляющие механизм контроля за развитием и применением нанобиотехнологий. Ряд положений, регулирующих эти вопросы, содержится в различных правовых актах: федеральных законах, подзаконных актах, программах развития.

Таким образом, необходимо дальнейшее совершенствование законодательного урегулирования и параллельно создание действенного механизма контроля за внедрением нанобиотехнологий, что в будущем будет способствовать эффективной защите прав и свобод личности при их применении.

Список литературы:

1. Программа развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года (одобрено Правительством РФ 17.01.2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2022).

2. ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.04.2012 г. № 1853п-П8) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2022).

3. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2022).

4. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2006 г. № 1188-р «О Программе координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2022).

5. Мохов А.А. Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16 - 21// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2022).

6. Мохов А.А. Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности // Гражданское право. 2022. № 1. С. 41 – 44 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2022).

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь,

ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЧЕРЕВКО Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Института управления и комплексной безопасности (ИУиКБ) академии ГПС МЧС России (г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4), SPIN-код: 1516-4488, AuthorID: 1021804, e-mail: Cherevkovv@bk.ru

SOME ISSUES OF LEGAL PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS A HUMAN BEING IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF NANOBIOTECHNOLOGY

T.V. Kuvyrchenkova[1], V.V. Cherevko[2]

[1] Tver State University, Tver
[2] State University of Management, Moscow

The research was conducted what legal protection methods of human rights and freedoms exist in the context of the Nanobiotechnologies development. The results of the research show that the Russian Federation has not adopted a federal law fixing the mechanism of human rights and freedoms legal protection in Nanobiotechnologies implementation. It was also found that there is no effective mechanism of state control over the Nanobiotechnologies development and implementation. Some provisions in this area are included in a number of federal laws, by-laws and development programs. The conclusion is made that it is necessary to improve legislation, as well as to create an effective mechanism for monitoring the implementation of Nanobiotechnologies.

Keywords: *nanotechnologies, nanobiotechnologies, protection of human rights, biological safety, potential threats of nanobiotechnologies, nanobiosafety, control over nanobiotechnologies*

About authors:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033 , e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

CHEREVKO Vladimir – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management (1095420, Moscow, Ryazansky pr., 99), SPIN-code: 1516-4488, AuthorID: 1021804, e-mail: Cherevkovv@bk.ru

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В. Некоторые вопросы правовой защиты прав и свобод человека в условиях развития нанобиотехнологий // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 55–59.

УДК 342.95
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.060

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

З.Н. Столярова

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва

Исследуется правовое положение детей мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, в контексте действующих норм национальной правовой системы, а также норм международного права. Автором описаны два вида правовых режимов: присутствие несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации при наличии в качестве сопровождающих законных представителей (родителей, опекунов и т.д.) и, что особенно актуально, без сопровождения последних. Анализируются наиболее актуальные вопросы, связанные с административно-правовым статусом детей мигрантов, затрагивающие их права, обязанности и ответственность указанной категории лиц на территории российского государства, в контексте документов стратегического планирования в Российской Федерации и угроз национальной безопасности.

Ключевые слова: *административно-правовой статус, административная ответственность, административные правоотношения, субъекты профилактики, дети-мигранты, иностранный гражданин и лицо без гражданства, органы внутренних дел, национальная безопасность.*

Административно-правовой статус отдельных категорий граждан или их правовое положение всегда выступает предметом пристального внимания правового сообщества. В этой связи вопросы правового положения детей мигрантов, их административно-правовой статус как отдельной категории субъектов права представляется темой весьма актуальной и своевременной в современных условиях, учитывая миграционные явления, происходящие по всему миру, в том числе в нашей стране.

Национальная правовая система содержит ряд норм, регулирующих административно-правовой статус мигрантов. Так, например, норма, изложенная в ст. 62 Основного закона РФ установила равенство прав и обязанностей рассматриваемой категории иностранных граждан и граждан РФ [3]. Вместе с тем отдельных положений, в прямой постановке регламентирующих правовое положение несовершеннолетних иностранцев либо определяющих их правовой статус, Основной закон не содержит, как не содержат (либо содержат частично) и иные законодательные акты национальной правовой системы, что делает эту сферу правового регулирования разработанной в

© Столярова З.Н., 2022

недостаточной степени и открытой для научной дискуссии, несмотря на неоспоримый факт того, что административно-правовой статус детей-мигрантов имеет свои особенности.

Представляется, что указанная категория лиц с учетом их миграционной направленности может характеризоваться «специальным» статусом в качестве субъекта административно-правовых отношений.

Следует подчеркнуть, что современный законодатель, акцентируя внимание на международных правовых нормах и нормах, установленных федеральным законодательством, не уделяет должного внимания указанной категории несовершеннолетних.

Анализ международных нормативных правовых актов продемонстрировал достаточно внушительный перечень международных правовых норм в отношении детей мигрантов, причем в части обеспечения их прав, свобод и законных интересов (Всеобщая декларация прав человека [1], Конвенция о правах ребенка [2] и др.). Кроме того, отдельные замечания Комитетов ООН также установили нормы в защиту прав несовершеннолетних мигрантов, запрещая заключать под стражу детей мигрантов по основаниям, связанным с их миграционным статусом, формулируя их в качестве обязанности для государств. При этом остальные элементы административно-правого статуса рассматриваемой категории граждан остались за рамками международного права.

В современных условиях миграционные тенденции позволяют выделить два вида административно-правовых режимов в отношении детей-мигрантов: 1) несовершеннолетние мигранты, находящиеся в сопровождении законных представителей (родителей, опекунов, усыновителей и др.), законодатель чаще употребляет в таком случае выражение «члены семей иностранных граждан»; 2) несовершеннолетние мигранты, которые находятся на территории без сопровождения законных представителей. Очевидно, что правоохранительные органы чаще сталкиваются с несовершеннолетними мигрантами, самостоятельно прибывшими на территорию РФ, поскольку в данном случае речь идет о целом перечне различных нарушений как со стороны детей-мигрантов, так и в отношении последних, учитывая их нелегальный статус [8].

Как подчеркивают многие специалисты, современный законодатель не спешит выделять детей-мигрантов в качестве отдельного субъекта, что подтвердили результаты контет-анализа правовых норм, регламентирующих рассматриваемую категорию лиц в отечественной правовой системе [4–7].

Современное национальное законодательство определяет, причем в недостаточной степени, только одну правовую тенденцию, при которой несовершеннолетние дети-мигранты постоянно находятся с родителями, связывая их в числе прочего сроками пребывания последних на

территории российского государства, несмотря на то, что их цели приезда чаще всего не совпадают.

Законом определена обязанность иностранцев по прибытии на территорию РФ встать на миграционный учет, соблюдая при этом установленные законом сроки пребывания. Каким образом данную обязанность смогут выполнить несовершеннолетние иностранцы, законодатель не уточняет, указав лишь, что сроки пребывания последних приравниваются ко взрослым членам семьи. Вместе с тем ответственность родителей (законных представителей) детей мигрантов в случае непостановки на учет или недокументировании (несвоевременном документировании) законодателем на сегодняшний день не определена и не установлена. Оценка действий детей мигрантов за совершенные административные правонарушения в сфере миграции в таком случае остается предметом дискуссии.

Нуждается в конкретизации административная процедура установления личности несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства как минимум в двух случаях: во-первых, при наличии законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов и др.) на территории РФ и, во-вторых, что особо важно, в правоприменительной практике, при отсутствии законных представителей несовершеннолетних на территории РФ.

Таким образом, следует отметить, что на сегодняшний день, к сожалению, в законодательстве отсутствует обязательная процедура легализации несовершеннолетнего иностранного гражданина, в связи с чем представляется целесообразным урегулировать административную процедуру установления личности несовершеннолетнего мигранта в случае отсутствия у него документов, закрепив ее отдельно в законе «О правовом положении иностранных граждан…».

Еще одной проблемой правового статуса детей-мигрантов выступает проблема правовой оценки их действий при совершении правонарушения и привлечения к административной ответственности. [9].

Административно-правовой нормой, изложенной в ст. 2.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ предусмотрен возраст субъекта административной ответственности – 16 лет [4].

С учетом конкретных обстоятельств дела и данных о лице, совершившем административное правонарушение в возрасте от 16 до 18 лет, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав указанное лицо может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних. Вместе с тем на несовершеннолетних, достигших к моменту совершения административного правонарушения необходимого возраста, распространяются общие правила привлечения к административной ответственности, установленные законодателем.

Поэтому правоприменители сталкиваются с проблемой помещения и содержания несовершеннолетних иностранных правонарушителей в специальных учреждениях системы МВД России.

Международное право содержит нормы, изложенные в отдельных замечаниях комитетов ООН, запрещающие заключать под стражу детей иностранных граждан за преступления, связанные с их миграционным статусом или миграционным статусом их родителей. В свою очередь, отечественная правовая система содержит целый правовой механизм, четко регламентирующий вопросы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних граждан и лиц без гражданства, нарушивших законодательство в сфере миграции. В таком случае только судом может быть избрано наказание в виде административного выдворения за пределы РФ с помещением в Центр временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – ЦВСИГ), в результате чего иностранцы, поступившие в ЦВСИГ с несовершеннолетними детьми, содержатся совместно в отдельном помещении (в соответствии с п. 14 Правил содержания (пребывания)[1]) [7].

В вопросе работы Комитета по правам ребенка (далее – КПР) ООН и с учетом замечаний общего порядка по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, хотелось бы поддержать позицию МИД России, которое полагает, что замечания общего порядка по защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, и по правам ребенка в частности, подготовленные ООН, носят исключительно рекомендательный характер и не имеют обязательной или юридической силы. Упомянутые замечания формируются группой из 18 подобранных ООН экспертов из числа членов правительств различных государств.

Хотелось бы подчеркнуть, что в Российской Федерации на государственном уровне отдельные замечания общего порядка комитетов ООН, в частности по проблематике миграции или иным проблемам, являются неприемлемыми и не могут быть принятыми. В этой связи использование замечаний общего порядка по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и по правам ребенка КПР ООН или отсылка к ним может в перспективе привести к «вымарыванию» российской договорно-правовой базы.

В завершении перечисления актуальных проблем, связанных с правовым положением детей мигрантов, хотелось бы обратить внимание на необходимость владения русским языком не только взрослыми иностранцами, но и их детьми, которым в целях обеспечения их права на

[1] Правила содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии (далее – Правил содержания (пребывания)).

образование российское государство предоставляет места в детских садах и школах, учитывая, что обучение в нашей стране ведется на государственном языке, которым является русский. В современной литературе содержатся различные понятия, которые отражают вопросы языковой адаптации и владения (разной степени) иностранными гражданами и членами их семей, включая детей, русским языком. Однако в правовой оборот данные понятия законодателем до сих пор не введены, что позволяет правоприменителю по-своему толковать вопросы, связанные с владением русским языком данной категорией лиц. Следует усовершенствовать понятийно-категориальный аппарат правовой науки, законодательно закрепив понятия «языковая адаптация», а также понятия «ребенок инофон или дети-инофоны», активно используемые преимущественно в сфере образования.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, а также принимая во внимание действие принципа наилучшего обеспечении прав ребенка, представляется целесообразным законодательно закрепить обязанности законных представителей по своевременной постановке на миграционный учет детей-мигрантов в целях узаконивания их правового статуса, соблюдения установленных законом сроков пребывания на территории РФ и, что важно, своевременного выезда за пределы РФ.

Обращает на себя внимание тот факт, что с детьми-мигрантами осуществляет работу целая система субъектов профилактики, а не только органы внутренних дел, поэтому предполагается дополнения вносить именно в законопроект о профилактике безнадзорности правонарушений несовершеннолетних. В свою очередь правовое регулирование вопросов режима пребывания указанной категории лиц на территории Российской Федерации целесообразнее уточнить именно в миграционных правовых нормах, изложенных, например, в действующем законе о правовом положении иностранных граждан в РФ или, что целесообразнее, в законопроекте нового комплексного миграционного закона, выход которого анонсируется уже в 2023 году, конкретизировав указанные правовые нормы.

Кроме того, представляется целесообразным в законопроекте «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации», который разрабатывается в настоящее время, в разделе основные понятия уделить внимание детям-мигрантам, введя в оборот понятие «ребенок-инофон (дети-инофоны)»– ребенок (дети), для которого русский язык не является родным, слабо владеющий или не говорящий на русском языке, выступающий носителем иностранного языка», а также понятие «языковая адаптация – интенсивное обучение русскому языку и приобретение необходимых языковых компетенций», что полностью соответствует цели современных документов стратегического планирования в сфере миграции.

Предполагается, что тем самым будет положено начало выработки единой позиции всех субъектов профилактики федерального уровня по вопросам адаптации и интеграции детей-мигрантов в современных условиях в контексте действия документов стратегического планирования в сфере миграции, а также в целом разрешен вопрос правовой безграмотности рассматриваемой категории лиц и членов их семей.

Таким образом, административно-правовой статус и его элементы применительно к детям-мигрантам, безусловно, нуждаются в усовершенствовании, модернизации и конкретизации в нормах национальной правовой системы на законодательном уровне, принимая во внимание действие международных норм в этой сфере и правоприменительную практику нашего государства, в целях защиты прав и свобод несовершеннолетних, а также реализации принципа наилучшего обеспечения прав ребенка в Российской Федерации.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) // // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (действующая редакция) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства РФ от 30.12.2013 г. № 1306 (ред. от 17.08.2021 г.) «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Полякова Н.В. Проблемы административно-правового регулирования положения несовершеннолетних мигрантов // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 189–195.

9. Столярова З.Н., Колпаков П.А. Актуальные проблемы привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к административной

ответственности в контексте угроз национальной безопасности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 49–58.

Об авторе:

СТОЛЯРОВА Зинаида Николаевна – кандидат юридических наук; член Национальной ассоциации административистов России; полковник полиции; доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (Россия, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8); SPIN-код: 2488-9735, AuthorID: 826222; e-mail: zina_adyunkt@mail.ru

ON THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF MIGRANT CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Z.N. Stolyarova

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow

This article examines the legal status of migrant children located on the territory of the Russian Federation in the context of the current norms of the national legal system, as well as the norms of international law. The author describes two types of legal regimes: the presence of foreign minors and stateless persons on the territory of the Russian Federation in the presence of accompanying legal representatives (parents, guardians, etc.) and, most importantly, unaccompanied by the latter. The article analyzes the most pressing issues related to the administrative and legal status of migrant children, affecting their rights, duties and responsibilities of this category of persons on the territory of the Russian state, in the context of strategic planning documents in the Russian Federation and threats to national security.

Keywords: *administrative legal status, administrative responsibility, administrative legal relations, subjects of prevention, minor, foreign citizen and stateless person, internal affairs bodies, national security.*

About author:

STOLYAROVA Zinaida – PhD in Law, Member of the National Association of Administrativists of Russia; Police Colonel; Associate Professor of the Department of Management of the Activities of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (8, Z. and A. Kosmodemyanskikh str., Moscow, Russia); SPIN-code: 2488-9735, AuthorID: 826222; e-mail: zina_adyunkt@mail.ru

Столярова З.Н. Об административно-правовом статусе детей мигрантов в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 60–66.

УДК 340.11
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.067

МЕТОД ДИХОТОМИИ В КОНСТРУКЦИИ ПРАВА

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Показана роль дихотомии в науке и построении права. Дихотомия может рассматриваться как способ логического мышления и как реально существующие и взаимосвязанные друг с другом части единого целого. Кроме дихотомии можно выделить трихотомию и полихотомию как более сложные формы организации мышления и построения реального мира. Выделены три центральные дихотомии в юриспруденции: частного и публичного права, субъекта и объекта, прав и обязанностей, а также иные дихотомии.

Ключевые слова: *дихотомия, трихотомия, теория права, права, обязанности, субъекты права, объекты права, бинарность, бинарная система, дееспособность, правоспособность.*

Дихотомия представляет собой разделение единого целого на две взаимосвязанные друг с другом части. Дихотомия является одновременно как способом мышления, так и реально существующим фактом, находящим свое выражение на всех уровнях организации материи. Дихотомия – это один из продуктивных методов логического мышления, состоящий в разделении единого целого на две противоположные стороны: метод декомпозиции на элементы, при котором каждый из них может исследоваться независимо от другого, а затем в объединении их друг с другом можно получить качественно новое знание о едином целом (которое не было ранее расчлененным).

Дихотомия и метод дихотомии используется в китайской философии при разделении сущего на инь и ян. На основе этого строится логическое мышление и объяснение мира и отдельных явлений и процессов. В философии используется дихотомия добра и зла, находящихся в противостоянии друг к другу.

Дихотомия находит проявление в различных формах организации материи. Так, например, в квантовой физике элементарные частицы имеют положительные и отрицательные заряды. В биологии наиболее яркое проявление дихотомии обнаруживается в разбиении пола на мужской и женский (дихотомия пола). Также в биологии можно выделить дихотомию левого и правого полушария мозга, каждый из которых отвечает за определенные функции и одновременно два полушария головного мозга являются взаимосвязанными [12].

Метод дихотомии широко используется во многих науках. Примером дихотомии в экономике является разделение на реальный и денежный сектора, которое получило название классической дихотомии

© Сухарев А.Н., 2022

[7]. Другая важная дихотомия в экономике – дихотомия спроса и предложения, где единое целое разбивается на два взаимных противостоящих друг другу элемента – спрос и предложение. Также дихотомией является выделение в бухгалтерском балансе двух частей – актива и пассива, представляющих собой одни и те же хозяйственные средства, но по-разному классифицируемые. Такое разделение порождает возможность другой дихотомии – двойной записи на счетах, при которой любая хозяйственная операция на счетах отражается дважды: по дебету одного счета (счетов) и кредиту другого счета (счетов) в равной сумме.

В экономической науке известна дихотомия Веблена – дихотомия технологических изменений и общественных институтов [4]. Социально-экономический прогресс, базирующийся на технологических изменениях, тормозится инерционностью общественных институтов. Иными словами, институциональная ловушка препятствует технологическому, а тем самым и экономическому развитию. Также можно отметить существование дихотомии между структурной трансформацией экономики и макроэкономической стабильностью [8]. Изменения в экономике порождают нарушения прежнего макроэкономического равновесия, т. е. могут породить макроэкономическую нестабильность. Заметим, что данная дихотомия является универсальной и применимой к иным сферам, где можно обнаружить противоречие между развитием и нестабильностью. Действительно, развитие уже само по себе отрицает стабильность.

Также можно выделить дихотомию «потребности – институты», суть которой в том, что потребности порождают общественные институты, которые используют люди для удовлетворения своих потребностей [1]. Каковы потребности, таковы и институты.

Интересной является дихотомия географического и экономического пространства [2]. Согласно ней, в едином пространстве территории можно выделить одновременно два уровня – географический (местоположение, рельеф и проч.) и экономический, между которыми существуют взаимосвязи. Экономическое пространство определяется в значительной степени факторами географического пространства, но одновременно экономическое пространство все более и более приводит к воздействию на географическое пространство.

Традиционно ученые выделяют дихотомию природы и культуры [10]. Культура является как бы искусственной средой, новым окружением человека, второй природой. Культура определяется природным фактором, но и культура, в свою очередь, оказывает воздействие на природу. Культура и природа все более сближаются и на бесконечном горизонте мысленно должны встретиться, слиться друг с другом.

Дихотомия присуща обществу. Так, С.Н. Смирнов в структуре сословий в дореволюционной России выделяет два базовых сословия, которые у него, по сути, образуют дихотомическую структуру общества [11]. Разделение политических сил на правые и левые также является проявлением дихотомии [6]. Политические силы обнаруживают свойство двуполярной концентрации – концентрации двух противоборствующих лагерей в политическом пространстве.

Дихотомия неразрывно связана с понятиями гармонии (гармонизации), а также баланса и дисбаланса. Гармония – это взаимная упорядоченность в бинарной системе элементов частей, составляющих единое целое. Такую гармонию можно выразить в виде некоего баланса, а его нарушения – в виде дисбаланса. В этом плане можно говорить о балансе или дисбалансе интересов в чем-либо и проч. [5, 15]. Баланс интересов есть бинарная система, т. е. форма существования или проявления дихотомии.

В юриспруденции можно выделить три центральные (базисные) дихотомии: дихотомию частного и публичного права; дихотомию субъекта и объекта и дихотомию прав и обязанностей.

1. Дихотомия частного и публичного права проявляется в делении права на две принципиальные области – частное право и публичное право, которое было впервые осуществлено в римском праве и ныне на нем основано романо-германское право [9]. Общее право и мусульманское право такого деления не имеют. В соответствии с такой дихотомией обособляются две сферы общественных отношений: отношения между частными лицами, где присутствует равенство сторон, и отношения, в которых присутствует государство или иное публичное образование, а во взаимоотношениях между сторонами отсутствует равенство [3].

2. Дихотомия субъекта и объекта проявляется в выделении лиц, обладающих способностью осуществлять права и нести обязанности, и того, на что направлено осуществление прав. Несмотря на то, что такое деление имеет общенаучный и общефилософский характер, в конструкции права (с целью его осуществления) важным является выделение носителей прав и обязанностей и того, на что они направлены. Так, например, домашнее животное или хозяйственный скот в Российской Федерации являются не субъектами, а объектами права – имуществом (вещью) (ст. 137 Гражданского кодекса РФ). Такой подход не является универсальным и в других правовых системах животные могут рассматриваться, например, как квазисубъекты права.

Правовой проблемой является отнесения трупа человека к субъекту или объекту права. Понятно, что мертвый человек не может непосредственно осуществлять свои права, из чего следует, что он не может быть субъектом права. Одновременно в российском праве он не может рассматриваться и как объект гражданских прав, т. к. гражданское

законодательство не регулирует «оборот» такого «имущества», что означает выведение трупа человека за пределы осуществления гражданских прав. Близкие родственники имеют комплекс прав в отношении тела мертвого человека или его праха, но эти права иного характера, чем обычные гражданские права. В некотором плане они близки понятию нематериальных благ, но полностью им не идентичны. Правовая природа трупа человека является проблемой и требует специального регулирования.

3. Дихотомия прав и обязанностей проявляется в выделении в общественных отношениях двух взаимно противостоящих друг другу элементов – прав и обязанностей. При этом логично возникает вопрос, а можно ли исключить из единого процесса общественных отношений хотя бы один из этих элементов, например, право стороны или обязательства другой стороны? Наличие права у одного лица не порождает автоматического обязательства у другого лица. Не декларативное право должно иметь механизм реализации посредством закрепления обязательств у другого лица или лиц. Например, право военнослужащих на жилье при отсутствии у государства средств в свое время рассматривалось как просто право без возможности его реализации. У военнослужащих есть такое право и никто его не отрицает, но оно остается пустым, декларативным без своей реализации. Право они имеют, а вот квартиры не получат. Такая логика деформирует конструкцию права.

Возможны ли обязательства без установления права? На практике да. Примером этому может служить правовая конструкция международных коммерческих терминов (ИНКОТЕРИС-2020), которая построена на одних обязательствах, когда одни обязательства продавца противостоят другим обязательствам покупателя. Всего в ИНКОТЕРМС представлено десять групп обязательств продавца и соответственно противостоящих им обязательств покупателя [13].

Несмотря на возможность разделения прав и обязательств друг от друга, в «канонической» конструкции они идут вместе, взаимно обуславливая друг друга. Можно высказать гипотезу, что между правами и обязательствами должна быть гармония в виде взаимного соответствия и непротиворечия одного элемента (права) другому элементы (обязательства) юридической конструкции.

Кроме трех выше представленных центральных дихотомий в праве можно выделять множество иных, менее значимых, но все равно необходимых дихотомий. К их числу можно отнести: дихотомию материального и процессуального права; дихотомию права и обычая; дихотомию преступления и наказания; дихотомию сущего и должного и др.

К дихотомии можно отнести бинарность судебной системы в России, где наряду с судами общей юрисдикции существуют арбитражные суды. Это, в свою очередь, порождает бинарность гражданского

процессуального законодательства – действия гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Такое деление сложилось исторически и отражало на тот период времени требуемую целесообразность. По мнению автора, бинарность судебной системы наиболее целесообразно сформировать в виде гражданских судов и уголовно-административных судов, что отражает специфику рассмотрения данных видов дел и способно обеспечивать более полную специализацию судей и, соответственно, обоснованность и законность судебных решений (приговоров).

Другой формой проявления дихотомии в судебной системе является существование федеральных судов и мировых судей. Такое деление отражает федеративное устройство России, где наряду с Федерацией существуют субъекты Федерации – государственные образования. Вместе с тем, стоит поставить вопрос о целесообразности выделения в судебной системе мировых судей, которые приводят к избыточному усложнению судебной системы и неоптимальному распределению нагрузки на судей. В районных (сельских) судах с небольшой численностью населения в районе это приводит к необходимости создания районного суда и должности мирового судьи, в то время как один судья способен разрешать немногочисленное количество судебных дел в районе. С другой стороны, в районных (городских) судах может быть значительной нагрузка на судей. Данная бинарность судебной системы порождает и иные проблемы в сфере осуществления правосудия.

Дихотомией можно считать существование в гражданском законодательстве физических и юридических лиц, а также дихотомией является обладание этими лицами дееспособностью и правоспособностью (правосубъектности). Носители прав и обязанностей разделены надвое, и между ними, как и в любой дихотомии, существует единство и взаимосвязь. Первичными являются физические лица, которые, в конечном счете, владеют юридическими лицами (кроме случаев нахождения их в собственности государства или муниципальных образований). Юридические лица как юридическая конструкция расширяют состав лиц в гражданском законодательстве, что способствует развитию общественных отношений. Дихотомия «дееспособность – правоспособность» развивает теорию юридического лица, выделяя две стороны прав и обязанностей: тех, которые присущи лицу и способности им осуществлять права и отвечать по своим обязательствам. Благодаря этому оказывается возможным отделение в ряде случаев дееспособности от правоспособности (например, признание физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным).

Более высоким уровнем членения единого целого является разбиение его не на две, а более частей – три части, четыре и более. Разделение единого целого на три взаимосвязанные части представляет

собой трихотомию. Трихотомия строится на выделении взаимосвязанных триад. Примерами трихотомии может являться идея троичного Бога (Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой), а также трихотомия духа, души и тела. У Платона трихотомия состоит в делении на разум, мужество и желание. В диалектическом материализме три закона диалектики: единства и борьбы противоположностей, переход количественных изменений в качественные и отрицание отрицания.

В квантовой физике проявление триединства (триад) обнаруживается в существовании кварков – фундаментальных частиц, которые условно принято делить на три цвета – синий, зеленый и красный (или на три антицвета – антисиний, антизеленый и антикрасный). Цвет – это цветовой заряд кварков и глюонов. Три цвета или антицвета дают нулевой цветовой заряд.

В финансах принято приводить пример триады в виде магического треугольника, представляющего собой взаимосвязь между доходностью, риском и ликвидностью. Расширение метода магического треугольника на большее количество взаимосвязанных элементов порождает магический многоугольник. Например, магический многоугольник в международной макроэкономике – это взаимосвязь между темпами роста экономики, макроэкономической устойчивостью, инфляцией, сбалансированностью платежного баланса и проч.

Между трихотомией и дихотомией существует взаимосвязь. По сути, трихотомия (условно включающая части A, B и C) представляет собой три дихотомии (A и B; A и C; B и C). Соответственно, полихотомия высшего порядка будет включать в себя определенное количество полихотомий низшего порядка. В этом плане можно говорить о процессе редукции полихотомии высшего порядка к полихотомии низшего порядка.

В юриспруденции примером трихотомии являлось деление права на три правовые семьи: англо-саксонскую, романо-германскую и социалистическую. Сегодня такое деление можно трансформировать на англо-саксонское, романо-германское и мусульманское право. Метод триад может быть использован для развития теории права в целом и российского права в частности.

Развитие дихотомии субъекта и объекта может породить возникновение полихотомии более высшего порядка, например трихотомии, в которой можно будет выделить три элемента – субъект, квазисубъект и объект. Конструкция права может пойти и по другому направлению, выделив четыре элемента – субъект, квазисубъект, квазиобъект, объект. Развитие конструкции права на основе применения метода полихотомии является продуктивным и эффективным способом упорядочивания общественных отношений, обеспечивая им внутреннюю логичность и большую понятность.

Особо следует отметить возможность использования институционального подхода к анализу дихотомии права на основе феномена трансакционных издержек [14]. Трансакционные издержки – это издержки существования экономической системы, включая издержки функционирования общественных институтов. Трансакционные издержки – центральное понятие в анализе институтов, их возникновении, функционировании и эффективности. Трансакционные издержки определяют целесообразность выделения в едином целом двух частей (бинарность целого), систему и меру их взаимосвязи.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что дихотомии являются одним из конструирующих элементов в праве. Полагаем, что данный метод может оказаться продуктивным в развитии как теории права в целом, так и российского права в частности. При этом, кроме метода дихотомии широко следовало бы использовать метод трихотомии, а также и полихотомии более высоких порядков. Метод дихотомии и полихотомии необходимо шире включать в юридическое образование и юридическое мышление.

Список литературы

1. Алексеев Н.Е. К вопросу о дихотомии «потребности – институты» // Электронный научный журнал. 2016. № 2 (5). С. 372–376.

2. Беков Р.С. Проблема дихотомии географического и экономического пространства // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2004. Т. 9. № 4. С. 99–103.

3. Васильев А.А. Концепция общественного права российского традиционализма как альтернатива дихотомии права на частное и публичное // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 51–55.

4. Вольчик В.В. Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 2. С. 53–65.

5. Замрий О.Н. Дисбаланс интересов супругов (бывших супругов) в имущественных отношениях как предпосылка реформирования семейного и гражданского законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 28–34.

6. Иванов А.О. Дихотомия правых и левых // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 2. С. 156–160.

7. Игонина Л.Л. Финансовая система и экономическая динамика: классическая дихотомия в контексте новых вызовов // Белорусский экономический журнал. 2013. № 1 (62). С. 102–113.

8. Каячева Л.В., Слесаренко Е.В. Дихотомия структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности // Экономические науки. 2020. № 190. С. 7–11.

9. Мельник К.П. Дихотомия права: понятие и особенности // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27. № 2 (66). С. 24–29.

10. Мехтизаде О.Н. Дихотомия природы и культуры – действительно ли дихотомия? // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 6 (36). С. 86–88.

11. Смирнов С.Н. Двухуровневая структура сословий как основная особенность российской сословной модели // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 147–151.

12. Холманский А.С. Дихотомия правового и левого в живых системах // Асимметрия. 2008. Т. 2. № 3. С. 60–67.

13. Чурилов А.Ю. Особенности использования Инкотермс 2020 в международной коммерческой практике // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 7. С. 47–57.

14. Шубников Ю.Б. К вопросу о предпосылках возникновения дихотомии права (попытка институционального анализа) // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 85–92.

15. Юстус О.И. Налоговая выгода: поиск баланса публичных и частных интересов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 84–90.

Об авторе:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

DICHOTOMY METHOD IN THE CONSTRUCTION OF LAW

A.N. Sukharev

Tver State University, Tver

The role of dichotomy in science and in the construction of law is shown. Dichotomy can be viewed as a way of logical thinking and as real-life and interconnected parts of a single whole. In addition to dichotomy, trichotomy and polychotomy can be distinguished as more complex forms of organizing thinking and building the real world. Three central dichotomies in jurisprudence are highlighted: private and public law, subject and object, rights and obligations, as well as other dichotomies.

Keywords: *dichotomy, trichotomy, theory of law, rights, duties, subjects of law, objects of law, subjects of law, objects of law, binary, binary system, legal capacity, legal capacity.*

About author:

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

Сухарев А.Н. Метод дихотомии в конструкции права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 67–74.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.93
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.075

ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены особенности реализации права на судебную защиту несовершеннолетних при пересмотре судебных актов в гражданском процессе и административном судопроизводстве. Проведен анализ норм гражданского процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве, исследованы вопросы обеспечения доступности правосудия при рассмотрении дел с участием несовершеннолетних в проверочных инстанциях.

Ключевые слова: *право на судебную защиту, несовершеннолетние, апелляция, кассация.*

Конституция Российской Федерации [1], гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод, закрепляет положение о том, что заинтересованные лица вправе добиваться исправления допущенных судами ошибок, введения в этих целях порядка процессуальной проверки вышестоящими судами законности и обоснованности решений, принимаемых нижестоящими судебными инстанциями, обязательности предоставления каждому права на рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями, поскольку правосудие по своей сути признается таковым лишь при условии, если оно обеспечивает эффективное восстановление в правах (ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 50). Кроме того, положение о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38), предопределяет необходимость во всех правоотношениях признавать приоритет защиты интересов ребенка.

С момента возбуждения дела в суде первой инстанции несовершеннолетний фактически наделяется потенциальным правом обжалования судебных решений, но полномочие суда по возбуждению дела в проверочных инстанциях не существует в виде возможности, а непосредственно зависит от волеизъявления лиц, участвующих в деле, от их обращения за пересмотром в случае несогласия с принятым по делу судебным решением [10, с. 82–99]. В этом случае возникает закономерный вопрос: сможет ли несовершеннолетний самостоятельно воспользоваться своим правом на обращение в проверочные инстанции и разобраться в системе пересмотра судебных актов, подготовить жалобу

© Жукова О.В., 2022

в соответствии с установленными требованиями и в необходимые сроки, оплатить государственную пошлину.

Введение стадии апелляционного пересмотра было существенным в аспекте обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, поскольку эта проверочная инстанция не просто выявляет те или иные нарушения, которые имели место при рассмотрении дела судом первой инстанции, но, по сути, занимается повторным рассмотрением дела по существу с вынесением при необходимости нового судебного решения, хотя оно и именуется определением [8, с. 518–519].

Гражданским процессуальным кодексом РФ [3] (далее – ГПК РФ) предусмотрено положение о том, что суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность судебного постановления суда первой инстанции только в обжалуемой части, исходя из доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно них (ч. 1, 2 ст. 327.1). В то же время суд апелляционной инстанции на основании абз. 2 ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ вправе в интересах законности проверить обжалуемое судебное постановление в полном объеме вне зависимости от доводов жалобы, представления. В соответствии с п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», под интересами законности с учетом положений ст. 2 ГПК РФ следует понимать необходимость проверки правильности применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных) и иных правоотношений, а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства, детства; социальной защиты; обеспечения права на жилище; охраны здоровья; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; защиты права на образование и других прав и свобод человека и гражданина; в целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов и в иных случаях необходимости охраны правопорядка [6]. В связи с тем, что большинство понятий, используемых применительно к защите прав детей, имеют оценочный характер, проверять судебные решения в апелляционном порядке нужно в полном объеме и по всем правилам производства в суде первой инстанции, по аналогии с положением ст. 308 Кодекса административного судопроизводства РФ [4] (далее – КАС РФ), закрепляющим пределы рассмотрения административного дела в суде апелляционной инстанции.

В делах, связанных с защитой прав несовершеннолетних, а особенно в тех случаях, когда они сами обратились в суд, должны быть предусмотрены дополнительные гарантии защиты их прав. Так, не должно быть ограничений на представление новых доказательств

несовершеннолетними в суд, а все их объяснения, в том числе мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, должны в обязательном порядке заслушиваться при пересмотре в суде апелляционной инстанции. Хотя ст. 57 Семейного кодекса РФ [2] (далее – СК РФ) предусмотрено право «быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства», не получил законодательного закрепления порядок учета мнения ребенка в судебном разбирательстве как при рассмотрении дела по существу, так и при пересмотре судебных актов в вышестоящих инстанциях. Кроме того, в процессуальном законодательстве должно быть закреплено положение и об активной роли суда в защите права и обеспечении дополнительных гарантий «слабой» стороны в процессе. Необходимо во всех случаях участия в деле несовершеннолетнего проводить психологическую экспертизу. Если суд первой инстанции ее не назначал при рассмотрении дела по существу, обязательно проводить в суде апелляционной инстанции.

С одной стороны, применение информационных технологий в судопроизводстве расширяет возможности несовершеннолетних обратиться в суд, в том числе в проверочные инстанции, поскольку цифровизация любых процессов ближе молодому поколению, им фактически облегчается доступ к правосудию. С другой стороны, право несовершеннолетнего на судебную защиту может быть эффективно реализовано только при получении квалифицированной юридической помощи. Интересным является опыт стран, в которых в процессуальном законодательстве закреплено право несовершеннолетнего на квалифицированную юридическую помощь. В частности, ст. 59 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [5] закрепляет положение о том, что несовершеннолетние, достигшие четырнадцати лет, имеют право лично обратиться в суд с заявлением о защите своих прав и охраняемых законом интересов и воспользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей, усыновителей, попечителей.

В связи с тем, что пересмотр судебных актов требует профессиональных знаний в области права в большей степени, то и оказание юридической помощи на стадиях по пересмотру должно стать действительно профессиональным при осуществлении этих действий адвокатами [9, с. 361]. Поэтому для обеспечения права несовершеннолетних на обжалование судебных актов целесообразно дополнить процессуальное законодательство правилом о том, что, если в деле в суде первой инстанции не участвовал адвокат как представитель несовершеннолетнего, одновременно с вынесением судебного решения суд должен выносить определение о назначении несовершеннолетнему адвоката в качестве представителя для обеспечения права на обжалование судебных постановлений.

Особое значение по делам с участием несовершеннолетних имеет полномочие суда апелляционной инстанции на принятие нового решения (ст. 328 ГПК РФ, ст. 309 КАС РФ). Разъяснение Верховного Суда РФ о том, что суд апелляционной инстанции вправе принять новое решение без направления дела на новое рассмотрение, например, по делу, подлежащему рассмотрению в сокращенный срок, либо делу, решение по которому подлежит немедленному исполнению, в том числе по делу о защите интересов несовершеннолетнего, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, может применяться и в гражданском процессе (п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции») [7]. Представляется, что особый порядок рассмотрения дел с участием несовершеннолетних в проверочных инстанциях должен быть закреплен при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, при ограничении или лишении родительских прав, по делам о взыскании алиментов, о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора РФ и др.

В заключение необходимо отметить, что государство прежде всего заинтересовано в том, чтобы соблюдались права и законные интересы детей. По отношению к несовершеннолетнему все участники процесса выступают «обязанными» субъектами. С одной стороны, защита прав и законных интересов ребенка должна осуществляться совместно законными представителями, органом опеки и попечительства, прокурором и судом, поскольку несовершеннолетний самостоятельно не может защитить свои права в суде. С другой стороны, нормы процессуального законодательства должны закреплять единые процессуальные правила рассмотрения дел с участием несовершеннолетних, направленные на обеспечение интересов ребенка, вне зависимости от стадии процесса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «Консультант Плюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-З [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com (дата обращения: 30.10.2022).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // БВС РФ. 2021. № 7.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2020. 25 июня.

8. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 518–519.

9. Саттарова З.З. Вопросы профессионального судебного представительства в свете реформы цивилистического процессуального законодательства // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. по материалам конференции / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. 500 с.

10. Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2021. С. 82–99.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

THE RIGHT OF A MINOR TO APPEAL AGAINST JUDICIAL ACTS: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article considers the peculiarities of the realization of the right to judicial protection of minors during the revision of judicial acts in civil proceedings and administrative proceedings. The author analyzes the norms of civil procedural legislation and legislation on administrative proceedings, examines the issues of ensuring the accessibility of justice when considering cases involving minors in the verification instances.

Keywords: *right to judicial protection, minors, appeal, cassation.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, associate professor, head of the department of judicial power and law enforcement Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Право несовершеннолетнего на обжалование судебных актов: вопросы теории и практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 75–80.

УДК 334.72
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.081

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК УЧАСТНИКОВ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ[1]

А.Н. Левушкин

НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва;
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва

Статья посвящена исследованию баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников имущественных правоотношений при цифровизации предпринимательских правоотношений и защите информации. Предпринимательская деятельность хоть и связана с использованием информации в различных ее аспектах, однако на сегодняшний день наблюдается недостаточность комплексных исследований правого регулирования информации в производственной и хозяйственной деятельности. Анализ позиций ученых и действующего гражданского и предпринимательского законодательства показал, что реализация права на информацию в наше время является необходимым условием участия субъектов права в общественных, в том числе гражданско-правовых и предпринимательских, правоотношениях, а также – обеспечения гармоничного свободного развития и жизнедеятельности каждого субъекта.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, баланс интересов, предприниматель, публично-правовые образования, цифровое право, цифровизация правоотношений, информация, правовое регулирование, информационная безопасность, защита информации, цифровое пространство.*

Право на информацию является неотъемлемым элементом системы основополагающих прав и свобод человека и гражданина. Реализация этого права в наше время – обязательное условие участия субъектов права в общественных отношениях, а также обеспечения гармоничного свободного развития и жизнедеятельности каждого человека. При этом необходимо соблюдение баланса интересов граждан, предпринимателей

[1] Статья подготовлена в рамках Государственного задания РГУП 2022 г. на тему: «Гражданско-правовые средства обеспечения баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников имущественных правоотношений».

© Левушкин А.Н., 2022

и публично-правовых образований как участников имущественных правоотношений при цифровизации правового пространства России. «Глобальная цель устойчивого развития состоит в том, чтобы достичь устойчивости общества как целого и планеты» [5, с. 26]. В доктрине справедливо отмечается, что современная действительность характеризуется изменением социальной потребности в новых формах организации общественной и семейной жизни и условий регулирования семейных и иных общественных отношений [6, с. 15].

Термин информация происходит от латинского «information» – толковать, определять, раскрывать, разъяснять. При повседневном использовании этого слова образуется множество определений значения слова «информация. Хотя для ясного, эффективного регулирования общественных отношений, которые связанны с оборотом информации, имеет огромное значение, что в это понятие вкладывает законодательство.

Понятие «информация» содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации). В ст. 2 под термином «информация» понимаются «сведения (данные, сообщения) независимо от формы их представления» [1]. Можно сказать, что этот термин обозначает разные сведения о чем-либо или о ком-либо, которые можно получить из разных источников в любой форме, например, визуальной, устной, письменной. С помощью сведений можно сформировать определенные познания и расширить свою информационную базу. С помощью информации, с одной стороны, можно получить сведения в процессе исследования окружающей действительности и, соответственно, можно приобщиться к уже образованной объективной системе знаний о нашем мире, а с другой стороны, наоборот, стать объектом поиска, производимого определенным потребителем для своих целей. Закон об информации, помимо фиксации самого понятия информации, также закрепляет, что информация может выступать как объектом публичных, так и объектом гражданских и иных правоотношений.

Российское законодательство определяет место информации в предпринимательской деятельности в качестве объекта предпринимательских правоотношений, под которым в праве понимается то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности субъектов предпринимательской деятельности. Государство же, реализуя публичный интерес в обеспечении традиционного подхода к структурированию общества, следует консервативной традиции, которая, в свою очередь, учитывает особенности ментальности, культуры, социально-экономических и политических условий [6, с. 15]. В современном мире бизнес-сообщество, как и все российское общество, затронуто глобальным процессом информатизации и цифровизации. При

этом понятие «информационное общество» известно каждому, но четкого единого определения в науке не найти, т. к. ученые придерживаются разных точек зрения.

Исследование феномена информации через призму гуманитарных, и в частности юридических наук, началось в XIX в. Изучением роли информационного ресурса как самостоятельного фактора производства стали заниматься лишь в середине XX в., основоположниками данного вопроса были Ф. Махлуп и К. Эрроу.

Государственная политика, успешно реализуемая в последние годы, создала условия для значительного технического прогресса и цифровизации различных отраслей экономики. Программы по внедрению цифровых платформенных решений показали свою эффективность и позволили определить, что в России настало время для инновационной экономики [2, с. 18].

Безусловно, глобализация цифровых систем современного общества неминуемо воздействует на экономическую и правовую системы, что не всегда благоприятно влияет на обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников имущественных правоотношений. Развитие высоких технологий и систем искусственного интеллекта отражается на развитии общества в целом. Следует отметить, что технологии искусственного интеллекта синергетически взаимосвязаны с интеллектуальной собственностью [7, с. 21].

К основным чертам информационного общества относят:

– наличие национальных информационных ресурсов, которые считаются самым большим источником богатства;

– превалирование сферы услуг по показателям занятости и доли в национальном продукте, где преобладает обработка информации;

– увеличение качества и количества имеющейся в обращении информации, ее оперативная поставка и преобразование;

– доступность информации для каждого члена общества;

– развитие информационных технологий, основанных на искусственном

интеллекте;

– возникновение новых форм и видов деятельности.

Бизнес – целая «вселенная» со своими правилами и законами. Зачастую его организация диктует жесткие условия и предприниматель в условиях стресса неразумно подходит к решению задач, устанавливая перед собой ошибочные цели [12, с. 730].

Информацию можно классифицировать, используя целый ряд различных критериев: 1) по степени доступности: открытая (публичная), закрытая (с ограниченным доступом) и конфиденциальная (личная информация); 2) по форме собственности: государственная и негосударственная; 3) по источнику происхождения: публикации в СМИ,

официальная информация, статистическая отчетность, социологические исследования и т.д.; 4) по форме представления информация: текстовая, мультимедийная, цифровая и графическая; 5) по содержанию: библиотечная, архивная, научно-техническая и т.п. Весь массив используемой в предпринимательской деятельности информации можно разделить на три группы: общая, коммерческая и специальная.

Добровольное использование предпринимателями открытой информации о товарах, работах и услугах для потребителей в форме рекламы стало необходимым элементом объекта предпринимательских правоотношений, определяющим развитие рынков соответствующих товаров. Вторая форма общедоступной информации как объекта предпринимательских правоотношений - открытая информация для предпринимателя о своем контрагенте-предпринимателе, повышающая доверие между бизнес-партнерами, что также способствует развитию предпринимательства.

Конституционный Суд РФ в части права акционеров на получение информации о деятельности акционерного общества сформулировал позицию, согласно которой для достижения эффективности в осуществлении судебного контроля необходимо не только исследовать формальную правильность реализации права на доступ к информации, но и анализировать конкретные фактические обстоятельства, которые могли бы выявлять попытки злоупотребления правом. В числе таких обстоятельств суд выделил:

– наличие у акционера необоснованного интереса к определенному роду информации;

– наличие интереса к информации, которая не влияет на фактическое положение акционера;

– наличие у акционера конфликта интересов;

– если акционер является представителем конкурента;

– если акционер запрашивает необоснованно большой объем информации и т.д. [13].

Таким образом, суд призывает к более обстоятельной оценке действий сторон для квалификации деяния в качестве злоупотребления правом. Позиция Конституционного Суда РФ была изложена в форме Определение, что подразумевает обязанность арбитражных судов разрешать данные вопросы, исходя из анализа конкретных обстоятельств ситуации.

В практике арбитражных судов данная позиция получила дальнейшее развитие.

Арбитражный суд Приморского края в своем решении привел несколько примеров, которые могут свидетельствовать о том, что у акционера имеется правомерный интерес для доступа к информации о корпорации:

– подготовка к продаже акций или доли;

– подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или акта корпорации;

– подготовка к участию в общем собрании акционеров и т. д. [14].

Стоит отметить, что сегодня все еще не сформированы надлежащие критерии и нормы права, которые закрепили бы принципы определения ситуаций, связанных со злоупотреблением правом участников акционерных отношений.

Уточним, что не всякая информация подлежит защите. Следовательно, информация, которая официально не указана в сфере защиты, не будет охраняться силой закона. Обратим внимание на то, что ст. 9 Закона об информации устанавливает, какие сведения находятся в сфере особого правового регулирования. К ним относится информация, являющаяся персональными данными, коммерческой, профессиональной и государственной тайной. Указанный Закон только обозначил сферу регулирования, более детально порядок охраны раскрыт в профилирующих федеральных законах.

Переход к цифровой экономике с неизбежностью предполагает ускорение, установление точности, мобильности, а за счет этого и эффективности реализации всех производственных процессов, предоставления различных услуг, достижение ими высоких уровней сложности и конкурентоспособности [8, с. 82].

Установление в отдельных организационных предпринимательских договорах регламентации общих условий обязательственных взаимоотношений контрагентов не требует необходимости повторения данных условий в последующих договорных обязательствах, заключаемых субъектами предпринимательской деятельности. А регулирование таких общих условий предпринимательских обязательственных отношений может быть более подробным, четким и ясным, а главное идентичным для всех последующих предпринимательских правоотношений, возникающих на основе договора между хозяйствующими субъектами [11, с. 230].

Полагаем, что понимание права на доступ к информации и его реализация в сфере предпринимательской деятельности будут неполными, если не упомянуть о том, что одним из важнейших направлений государственного регулирования и поддержки сферы информационных услуг является реализация проектов, связанных с цифровой трансформацией деятельности самих органов власти и государственных учреждений, в частности, в области предоставления государственных информационных услуг в электронной форме. При этом основная доминанта изменения роли и места государства на рынке информационных услуг должна смещаться в условиях цифровизации экономики от сугубо регулятивной функции к более активному участию в качестве продуцента и поставщика государственных информационных услуг, предоставляемых населению в электронной форме.

Следует полностью согласиться с актуальным для наших дней высказыванием, что «важно помнить о необходимости защиты персональных данных, особенно биометрических, обеспечении их информационной безопасности в процессе использования искусственного интеллекта» [4, с. 30]. «Защита интеллектуальных прав на международном и региональном уровнях тесно связана с мировым технологическим и культурным развитием в целом, созданием, распространением и использованием существующих и новых проприетарных технологий» [9, с. 18].

В настоящее время информационные ресурсы имеют значительный вес в обществе. Они являются одним из видов общественных (экономических) ресурсов, т. е. факторов производства в экономике стране. Помимо этого, информационные ресурсы оказывают влияние на формирование и развитие человека и его мысли. В науке небезосновательно определено, что «в последние несколько лет в мире наблюдается значительный рост числа киберугроз, направленных на объекты критической инфраструктуры, вызванный их интеграцией с информационными технологиями» [3, с. 4].

Из вышесказанного следует, что коммерческая ценность конфиденциальной информации зависит от знания о ее содержании посторонними третьими лицами. Очевидным является тот факт, что режим конфиденциальности информации при обеспечении коммерческой тайны в первую очередь должен быть направлен на то, чтобы не допустить обстоятельств разглашения этой информации посторонним третьим лицам.

В связи с этим справедливо возникает вопрос: если произошел факт разглашения конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну, то всегда ли «автоматически» теряется ее коммерческая ценность? Дело в том, что разглашение конфиденциальной информации при обеспечении коммерческой тайны происходит перед посторонними третьими лицами, которые могут характеризоваться следующими существенными признаками [10, с. 154]:

– они не заинтересованы в конфиденциальной информации и в дальнейшем не намерены ее использовать в своих или чьих-либо интересах;

– они заинтересованы в конфиденциальной информации и в дальнейшем намерены ее использовать в своих или чьих- либо интересах.

Как видно, для определения характеристики личности посторонних третьих лиц, перед которыми разглашается конфиденциальная информация, важно знать их заинтересованность в использовании этой информации в своих или чьих-либо интересах. Так, если разглашение конфиденциальной информации при обеспечении коммерческой тайны произошло в отношении первой

категории посторонних третьих лиц, то коммерческая ценность данной информации «автоматически» не теряется.

Однако если разглашение конфиденциальной информации при обеспечении коммерческой тайны произошло в отношении второй категории указанных выше посторонних третьих лиц, то коммерческая ценность данной информации «автоматически» может быть потеряна. Сотрудники службы безопасности компании (фирмы) и подразделений конфиденциальной документации в своей служебной деятельности по осуществлению режима конфиденциальности информации при обеспечении коммерческой тайны должны учитывать данные обстоятельства при ликвидации или минимизации негативных последствий разглашения коммерческой тайны.

Для государственного регулирования стратегии предпринимательских структур необходимо устранение данных недостатков. Интегрированная информационная система предпринимательских структур является генератором релевантной информации. Это позволяет при необходимости на государственном уровне скорректировать стратегию предпринимательской деятельности, что обеспечит устранение дисбаланса в экономике.

Представляется, что государственное регулирование деятельности предпринимательских структур должно быть направлено на формирование инфраструктуры рынка инноваций, стимулирование наукоемких технологий, повышающих эффективность предпринимательской деятельности. В этой связи в основе государственного регулирования предпринимательской деятельности должна лежать релевантная информация, объективно характеризующая экономическое состояние предпринимательских структур. Для успешной предпринимательской деятельности в современной высококонкурентной рыночной среде необходимо создание эффективной системы управления, обеспечивающей разработку стратегии предприятия, внедрение механизмов ее реализации и мониторинга достигнутых результатов.

Представляется необходимым создать на законодательном уровне взаимосвязанную и непротиворечивую систему защиты информации, поскольку разрозненные правовые нормы, распределенные по разным нормативным актам, не могут выполнять задачи построения эффективного и целостного законодательства о защите в информационной сфере предпринимательства. Первым шагом к этой цели станет создание единого нормативного акта, отдельно регулирующего порядок защиты информации и информационную безопасность в Российской Федерации.

В данном акте необходимо прописать все ключевые понятия, составляющие основу правоотношений в сфере информационной безопасности, включая все виды «тайн», которые являются правовыми режимами ограничения доступа к информации, к примеру, банковская

тайна является правовым режимом защиты экономической информации, которая обрабатывается кредитными учреждениями, а служебная тайна является правовым режимом защиты социально-экономической информации, которая обрабатывается сотрудниками государственной службы, но не обладает значением, которое определяет уровень безопасности общества и государства.

Также очень важно установить порядок обоснования применения к той или иной информации определенного режима правовых ограничений, а также порядок ограничения доступа к подобной информации. Кроме того, следует закрепить круг субъектов, управомоченных на доступ к информации, который защищен тем или иным правовым режимом, а также правовой статус данных субъектов, четко определив их круг прав, обязанностей и ответственность.

Таким образом, действующее российское законодательство детерминирует положение информации как реального элемента предпринимательских правоотношений. Полагаем, что современный правовой режим информации в российском бизнесе является одним из ресурсов экономического роста в Российской Федерации. Установлена необходимость дальнейшей цифровизации предпринимательских правоотношений и комплексной защиты информации в сфере предпринимательства в рамках цифрового пространства нашей страны с обязательным балансом интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

2. Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

3. Барков А.В., Киселев А.С. Влияние цифровизации на правовое обеспечение информационной безопасности государства и бизнеса в условиях современных геополитических вызовов // Безопасность бизнеса. 2022. № 3. С. 3–7.

4. Егорова М.А., Барабашев А.Г., Минбалеев А.В. Роль искусственного интеллекта в условиях пандемии // Юридический мир. 2020. № 5. С. 29–34.

5. Ершова И.В., Енькова Е.Е., Лаптев В.А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 25–35.

6. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.

7. Левушкин А.Н., Тюлин А. Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права // Юрист. 2021. № 11. С. 19–24.

8. Левушкин А.Н. Правовое регулирование коллекторской деятельности

как бизнес-процесса в эпоху цифровых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 4 (223). С. 80–88.

9. Левушкин А.Н., Бирюкова Е.Г. Интеллектуальная собственность в медицине и фармации: особенности применения и защиты // Гражданское право. 2018. № 3. С. 17–21.

10. Малышев С.Я. Объект режима конфиденциальности информации при обеспечении коммерческой тайны // Экономика. Экология. Безопасность: материалы Межд. науч.-прак. конф. Уфа. 2020. С.153–158.

11. Golyshev V.G. Golysheva A., Efimova O.V., Pitko E.V., Levushkin A.N. (2020) The framework agreement in organizational business legal relations. Revista Inclusiones. Vol: 7 num Especial: Pp. 229-239. ISSN 0719-4706: WOS:000572945800020 [Электронный ресурс]. URL: https://revistainclusiones.org/index.php/inclu/issue/view/71 (дата обращения: 30.11.2022).

12. Vlasov A.A., Levushkin A.N., Rakhmatullin T.E., Rakhmatullina L.E. State property rights protection outside the territory of the Russian federation. 2019. Opcion, No. 19, tom 35, P. 721–736 [Электронный ресурс]. URL: https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/issue/view/2720 (дата обращения: 30.11.2022).

13. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 г. № 8-О-П // СЗ РФ. 2011. № 8. Ст. 1202.

14. Решение Арбитражного суда Приморского края от 28.08.2019 г. по делу № А51-7448/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/oa4IE73WSso6/?arbitral (дата обращения: 30.11.2022).

Об авторе:

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4), SPIN-код: 8202-0009, ORCID: 0000-0002-5646-888X, e-mail: lewuskin@mail.ru

ENSURING A BALANCE OF INTERESTS OF CITIZENS, ENTREPRENEURS AS PARTICIPANTS IN PROPERTY LEGAL RELATIONS IN THE DIGITAL SPACE AND INFORMATION PROTECTION

A.N. Levushkin

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow;
Moscow City Pedagogical University Russian State University of Justice, Moscow

The article is devoted to the study of the balance of interests of citizens, entrepreneurs and public legal entities as participants in property legal relations during the digitalization of business legal relations and information protection.

Entrepreneurial activity, although it is connected with the use of information in its various aspects, however, today there is a lack of comprehensive research on the legal regulation of information in production and economic activities. The analysis of the positions of scientists and the current civil and business legislation has shown that the realization of the right to information, in our time, is a necessary condition for the participation of legal entities in public, including civil and business legal relations, as well as ensuring the harmonious free development and vital activity of each subject.
Keywords: *entrepreneurial activity, balance of interests, entrepreneur, public legal education, digital law, digitalization of legal relations, information, legal regulation, information security, information protection, digital space.*

About author:

LEVUSHKIN Anatoly – Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Professor of the Department of Civil Law Disciplines Moscow City Pedagogical University (129226, Moscow, 2-й Agriculturali proezd, 4), SPIN-код: 8202-0009, ORCID: 0000-0002-5646-888X, e-mail: lewuskin@mail.ru

Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников имущественных правоотношений в цифровом пространстве и защите информации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 81–90.

УДК 347.191.1 + 347.214.2 : 349.418 : 351.711
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.091

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ КОМПАНИИ «РОСКАДАСТР»

И.А. Лепехин[1, 2], М.Д. Джиджиков[3]

[1] ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь
[2] ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь
[3] «Федеральная кадастровая палата Росреестра» по Тверской области, г. Тверь

Статья посвящена актуальному вопросу реформирования земельно-имущественных отношений в современной России. Проведен анализ нормативно-правовых актов, регулирующих создание и последующую деятельность публично-правовой компании «Роскадастр». Выделены ее основные виды деятельности, функции и полномочия. Обозначены как основные преимущества рассматриваемых нововведений, так и их возможные риски и недостатки. В статье особо подчеркивается необходимость в рамках проводимой реформы уделить должное внимание созданию четкого механизма обеспечения безопасности и сохранности данных ЕГРН.

Ключевые слова: *земельно-имущественные отношения, недвижимость, Росреестр, публично-правовая компания «Роскадастр», Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), кадастровый учет недвижимости, регистрация прав на недвижимость, реформа земельно-имущественных отношений, национальная система пространственных данных.*

В современной России в рамках проводимой реформы правового регулирования земельно-имущественных отношений, кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на нее особо важное место занимают вопросы создания публично-правовой компании «Роскадастр» (далее – ППК «Роскадастр»).

В соответствии с принятыми нормативно-правовыми актами [1; 2; 3] ППК «Роскадастр» создается путем реорганизации и одновременного слияния АО «Ростехинвентаризация – Федеральное бюро технической инвентаризации» (владельцем 100 % акций которого является Российская Федерация), ФГБУ «Центр геодезии, картографии и ИПД» и ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Росреестра» [3]. Учредителем ППК «Роскадастр» выступает Российская Федерация, а ключевые функции и полномочия от ее имени будет осуществлять Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) [1].

Одновременно с Федеральным законом № 448-ФЗ «О Публично-правовой компании Роскадастр» [1], который можно считать основным в рамках данного вопроса, Президентом РФ был подписан и Федеральный

© Лепехин А.А.,
Джиджиков М.Д., 2022

закон № 449-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [2; 10].

ППК «Роскадастр» создается для оптимизации существующих учреждений, выполняющих взаимосвязанную, иногда даже дублирующую деятельность. Данное решение должно позволить создать систему так называемого «одного окна» и повысить качество предоставляемых услуг [10]. Также создание ППК «Роскадастр» должно ускорить реализацию программы «Национальной системы пространственных данных» [8], которая представляет собой цифровую платформу пространственных данных и единую картографическую основу, включающую сведения, хранящиеся в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) [9].

ППК «Роскадастр» будет осуществлять все виды деятельности акционерного общества и учреждений, из которых будет создана [3]. По своей сути ППК «Роскадастр» будет являться компанией полного цикла, осуществляющей комплексные работы с недвижимым имуществом [7].

В соответствии со своим правовым статусом ППК «Роскадастр» будет иметь право создавать филиалы и открывать представительства компаний, создавать коммерческие и некоммерческие организации как на территории РФ, так и за границей [3].

Согласно принятым нормативно-правовым актам, определяющим правовой статус ППК «Роскадастр», можно выделить следующие основные виды деятельности данной компании, соответствующие целям ее создания:

1) геодезическая, картографическая деятельность;

2) выполнение кадастровых, землеустроительных работ, а также работ, необходимых для внесения в ЕГРН сведений об объектах недвижимости;

3) создание, ведение и развитие государственных информационных систем и ресурсов;

4) создание, внедрение, поддержка электронных сервисов, оказание услуг, соответствующих полномочиям и функциям компании;

5) сопровождение сети передачи данных, предоставление информационных ресурсов, программ для ЭВМ, программно-технических средств;

6) научная, образовательная и выставочная деятельность;

7) деятельность в сфере развития информационных технологий [3].

Особо следует отметить, что ППК «Роскадастр» имеет полное право осуществлять коммерческую деятельность, что в перспективе должно позволить встать компании на частичное или полное самообеспечение и сократить государственные расходы на ее содержание [3].

Высшим органом управления ППК «Роскадастр» будет наблюдательный совет; коллегиальным исполнительным органом –

правление компании; единоличным исполнительным органом будет выступать генеральный директор. При этом члены наблюдательного совета, правления и генеральный директор будут назначаться сроком на пять лет [3].

Можно выделить следующие основные функции и полномочия ППК «Роскадастр»:

1) прием заявлений о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав, документов, прилагаемых к нему, выдача документов в результате получения данной услуги;

2) предоставление сведений из ЕГРН;

3) ведение реестра границ;

4) информационное взаимодействие с кадастровыми инженерами;

5) создание, использование и развитие государственных информационных систем, в том числе самого ЕГРН;

6) создание, внедрение и поддержка электронных сервисов, необходимых для оказания услуг кадастрового учета, регистрации прав и предоставления сведений из ЕГРН;

7) определение координат точек границ земельных участков, расчет их площади, координат контуров иных объектов недвижимости, а также координат границ муниципалитетов, населенных пунктов, территориальных зон и лесничеств при исправлении ошибок;

8) предоставление необходимых сведений территориальным органам кадастровой оценки;

9) формирование и передача перечня объектов, подлежащих государственной кадастровой оценке;

10) расчет кадастровой стоимости единого недвижимого комплекса в случаях, предусмотренных законодательством;

11) формирование индексов рынка недвижимого имущества;

12) изменение актуальной кадастровой стоимости в случае изменения индекса рынка недвижимости более чем на 30 %;

13) создание государственных топографических карт и планов;

14) определение характеристик и параметров земной поверхности, необходимых для ведения государственной системы координат, высот, государственной гравиметрической системы;

15) мониторинг пунктов государственных сетей;

16) создание геодезических сетей специального назначения;

17) ведение фонда пространственных данных и предоставление сведений из него;

18) создание и ведение единой картографической основы;

19) ведение государственного фонда данных землеустройства (на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен

Проект административного регламента «Предоставление материалов и данных государственного фонда данных, полученных в результате проведения землеустройства», ID проекта 01/02/10-22/00131899 [5]);

20) перевод документов в форму электронных образов;

21) предоставление саморегулируемой организации информации о профессиональной деятельности их членов;

22) иные функции и полномочия, предусмотренные законодательством (в частности, на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен Проект постановления Правительства РФ, наделяющий ППК «Роскадастр» еще рядом функций и полномочий, ID проекта 01/01/08-22/00131047 [4]).

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что создание ППК «Роскадастр» является важным этапом проводимой в современной России реформы земельно-имущественного законодательства, которая по своему объему может быть сопоставима с изменениями земельно-имущественных отношений конца XX века, но по своему содержанию существенно отличается от тех времен. Это связано с тем, что проводимая сейчас реформа преимущественно направлена не на существенное изменение природы земельно-имущественных отношений, а на модернизацию управленческих аспектов. Поэтому ее можно охарактеризовать как «организационно-правовое реформирование управления земельно-имущественными отношениями» [6, с. 133].

Положительной стороной рассматриваемого этапа реформы земельно-имущественных отношений, связанного с созданием ППК «Роскадастр», можно считать оптимизацию управленческих и организационных структур, непосредственно затрагивающих недвижимое имущество, его кадастровый учет, регистрацию прав на него и управление им. При этом в случае успешной реализации на практике, общество должно получить реально работающую систему «одного окна» в сфере земельно-имущественных отношений, что позволит существенно упростить работу с обращениями граждан и юридических лиц, должно повысить качество оказываемых услуг и ускорить реализацию программы «Национальная система пространственных данных».

В то же время, несмотря на обозначенные преимущества, можно выделить и возможные риски рассматриваемых нововведений, к числу которых относятся: риски создания естественной монополии в сфере работ с недвижимостью и риски обеспечения безопасности конфиденциальных данных, используемых и хранимых ППК «Роскадастр». В связи с этим представляется необходимым принятие соответствующих правовых норм, позволяющих предупредить их возникновение на практике. При этом особое внимание должно быть уделено созданию четкого механизма обеспечения максимальной безопасности и сохранности данных ЕГРН.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 448-ФЗ «О публично-правовой компании “Роскадастр”» // СПС «Гарант».

2. Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 449-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

3. Постановление Правительства РФ от 30.07.2022 г. № 1359 «О публично-правовой компании “Роскадастр”» // СПС «Гарант».

4. Проект Постановления Правительства РФ «О наделении публично-правовой компании «Роскадастр» отдельными функциями и полномочиями публично-правового характера и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=131047 (дата обращения: 28.10.2022).

5. Проект административного регламента публично-правовой компании «Роскадастр» по предоставлению государственной услуги «Предоставление материалов и данных государственного фонда данных, полученных в результате проведения землеустройства» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=131899 (дата обращения: 28.10.2022).

6. Артемьев А.А., Лепехин И.А. О целях и задачах правового регулирования земельно-имущественных отношений в современной России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 123–136.

7. Галиева Д. Росреестр выделит в «Роскадастр» рыночные функции и инфраструктуру // Новости Mail.ru [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/48827512/ (дата обращения: 27.10.2022).

8. Красинская А.В России появилась госкомпания «Роскадастр» // Журнал «Домклик» [Электронный ресурс]. URL: https://blog.domclick.ru/post/v-rossii-poyavilas-goskompaniya-roskadastr (дата обращения: 26.10.2022).

9. Национальная система пространственных данных // Офиц. сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) [Электронный ресурс]. URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennye-programmy/natsionalnaya-sistema-prostranstvennykh-dannykh/ (дата обращения: 27.10.2022).

10. Путин подписал закон о создании «Роскадастра» // Сайт Агентства экономической информации «ПРАЙМ» [Электронный ресурс]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20211230/835661913.html (дата обращения: 26.10.2022).

Об авторах:

ЛЕПЕХИН Илья Александрович – кандидат юридических наук; доцент кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22); доцент кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 6210-5988,

AuthorID: 538705; e-mail: ilja-lepehin@rambler.ru

ДЖИДЖИКОВ Михаил Джангарович – техник 1 категории отдела ведения архива Филиала ФГБУ «ФКП Росреестра» по Тверской области (Россия, г. Тверь, ул. Маршала Буденного, д.8); SPIN-код: 1079-9958, AuthorID: 1171824; e-mail: dgangir46@gmail.com

TO THE QUESTION OF CREATION PUBLIC LAW COMPANY “ROSKADASTRE”

I.A. Lepekhin[1, 2], M.D. Dzhidzhikov[3]

[1] Tver State Technical University, Tver
[2] Tver State University, Tver
[3] Federal Cadastral Chamber of Rosreestr in the Tver region, Tver

The article is devoted to the current issue of reforming land and property relations in modern Russia. An analysis of regulatory legal acts regulating the creation and subsequent activities of the Roskadastre public law company was carried out. Its main activities, functions and powers are highlighted. Both the main advantages of the innovations under consideration and their possible risks and disadvantages are identified. The article emphasizes the need to pay due attention to the creation of a clear mechanism for ensuring the safety and security of USRN data within the framework of the ongoing reform.
Keywords: *land and property relations; real estate, Rosreestr, public law company Roskadastre, Unified State Register of Real Estate (USRN), cadastral registration of real estate, registration of real estate rights, reform of land and property relations, national spatial data system.*

About authors:

LEPEKHIN Ilya – PhD in Law, Associate Professor, Department of Geodesy and Cadastre Tver State Technical University (Russia, Tver, embankment A. Nikitina, d. 22); concurrently associate professor of the Department of Personnel Management of the Tver State University (Russia, Tver, 33 Zhelyabova St.); SPIN code: 6210-5988, AuthorID: 538705; e-mail: ilja-lepehin@rambler.ru

DZHIDZHIKOV Mikhail – technician of the 1st category of the Archive Department of the Branch of the Federal State Budgetary Institution "Rosreestr" in the Tver Region (Russia, Tver, Marshal Budenny St., 8); SPIN-code: 1079-9958, AuthorID: 1171824; e-mail: dgangir46@gmail.com

Лепехин И.А., Джиджиков М.Д. К вопросу создания публично-правовой компании «Роскадастр» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 91–96.

УДК: 351.824.5
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.097

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ РАЗДЕЛОВ ЕДИНОГО ПЕРЕЧНЯ ТОВАРОВ, К КОТОРЫМ ПРИМЕНЯЮТСЯ ЗАПРЕТЫ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ИХ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А.С. Логинова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Рассмотрен алгоритм и формы администрирования разделов Единого перечня товаров, к которым применяются запреты и ограничения при их перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза. Цель исследования заключается в выявлении правовых пробелов в таможенном законодательстве при администрировании разделов Единого перечня товаров. С помощью сравнительно-правового и формально-юридического методов автором выявлены проблемы администрирования разделов Единого перечня товаров таможенными органами РФ.

Ключевые слова: *меры нетарифного регулирования, запреты и ограничения, таможенные органы, администрирование.*

Внешнеторговая деятельность ограничивается мерами нетарифного регулирования. На таможенные органы возложено администрирование разделов Единого перечня товаров (далее – Единый перечень). В Едином перечне содержатся группы товаров, в отношении которых установлены запреты и ограничения на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Администрирование разделов Единого перечня таможенными органами осуществляется в форме таможенного контроля и происходит как до выпуска товаров, так и после. На этапе после выпуска товаров администрирование разделов Единого перечня таможенными органами проводится на основании Приказа ФТС России от 25.08.2009 г. № 1560 «Об утверждении Порядка проведения проверки документов и сведений после выпуска товаров и (или) транспортных средств» [10]. Для проведение такой проверки необходимо поручение вышестоящего таможенного органа. Администрирование разделов Единого перечня на этапе после выпуска товаров осуществляется на основании мер по минимизации рисков, если результаты анализа говорят о возможных нарушениях таможенного законодательства, документов, материалов, предоставленных правоохранительными органами.

При администрировании разделов Единого перечня таможенными органами существуют сложности из-за правовой неурегулированности отдельных вопросов.

Рассмотрим некоторые из них.

© Логинова А.С., 2022

В Едином перечне содержится раздел «Озоноразрушающие вещества и продукция, содержащая озоноразрушающие вещества», список D «Изоляционные щиты, плиты, панели и покрытия труб пористые, с использованием в качестве вспенивателей порообразователей, содержащих озоноразрушающие вещества» и «Компоненты, составы на основе полиэфиров (полиолов) для производства вспененного полиуретана (компонент А)», которые запрещены к вывозу или ввозу с таможенной территории ЕАЭС. Проблема администрирования в отношении названного раздела Единого перечня заключаются в том, что отсутствует четкое описание категорий товаров, подпадающих под его действие, а также существует сложность при соотнесении товаров с подконтрольными. К тому же отсутствует перечень документов, в соответствии с которым декларант может подтвердить сведения об отсутствии озоноразрушающих веществ в перемещаемом товаре. Проблема отсутствия утвержденного перечня подтверждающих документов относится и к другим разделам Единого перечня.

В отношении раздела «Дикие живые животные, отдельные дикорастущие растения и дикорастущее лекарственное сырье», а именно в группах «Дикорастущее лекарственное сырье», «Растения и их части (включая семена и плоды), используемые в основном в парфюмерии, фармации или инсектицидных, фунгицидных или аналогичных целях, свежие или сушеные, целые или измельченные, дробленые или молотые», «Соки и экстракты растительные, используемые в парфюмерных, фармацевтических, инсектицидных, фунгицидных и аналогичных целях», не регламентирован порядок вывоза «пакетированных» растений и их частей, прошедших регистрацию на территории РФ. Кроме того, в отношении данного раздела не установлен и перечень документов, подтверждающих, что растения являются не дикорастущими.

Существуют и проблемы администрирования раздела 2.16 «Радиоэлектронные средства и (или) высокочастотные устройства гражданского назначения, в том числе встроенные либо входящие в состав других товаров». Согласно примечанию, к разделу 2.16 перечня, утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии № 30 от 21.04.2015 г. «О мерах нетарифного регулирования» [4], для целей настоящего раздела необходимо руководствоваться как кодом Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), так и наименованием товара с учетом приложения № 2 к Положению о ввозе на таможенную территорию ЕАЭС радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств гражданского назначения, в том числе встроенных либо входящих в состав других товаров, и единого реестра радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств, в том числе встроенных либо входящих в

состав других товаров, при ввозе которых на таможенную территорию ЕАЭС не требуется представление лицензии или заключения (разрешительного документа).

Вместе с тем разрешительный порядок применяется в отношении указанных в разделе радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств, которые встроены либо входят в состав товаров, вне зависимости от кодов ТН ВЭД ЕАЭС. В связи с чем, с одной стороны, коды ТН ВЭД ЕАЭС определены указанным выше разделом и при соотнесении с разделом 2.16 необходимо ориентироваться как на код ТН ВЭД ЕЭАС, так и на описание товаров; с другой стороны, радиоэлектронные средства (далее – РЭС) и высокочастотные устройства (далее – ВЧУ) могут быть встроены в состав товара и код ТН ВЭД ЕАЭС не будет поименован в разделе 2.16. Кроме того, выявлены случаи размещения в реестре РЭС и ВЧУ гражданского назначения, разрешенных для ввоза на территорию Российской Федерации по лицензии Минпромторга, товаров (которые не являются встроенными и не входят в состав других товаров), у которых код ТН ВЭД ЕАЭС не совпадает с кодами ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с разделом 2.16. Поэтому возникает вопрос: на какие параметры необходимо ориентироваться при соотнесении с указанным выше разделом: технические параметры, код ТН ВЭД ЕАЭС?

В соответствии с пунктом 5 Положения ввоз радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств без лицензии, заключения (разрешительного документа) или сведений о включении в единый реестр осуществляется в том случае, когда радиоэлектронные средства и (или) высокочастотные устройства включены в состав бортового оборудования воздушных, водных судов.

В деятельности таможенных органов возникают случаи, когда декларант в графе 31 декларации на товары указываются сведения о том, что РЭС/ВЧУ будут установлены в состав бортового оборудования воздушных судов, которые не подлежат обратному вывозу. Отметим, что в связи с этим ввоз радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств без лицензии, заключения (разрешительного документа) или сведений о включении в единый реестр осуществляется в том случае, когда радиоэлектронные средства и (или) высокочастотные устройства уже установлены на бортовое оборудование воздушных, водных судов. Поэтому возникает вопрос о возможности применения п. 5 Положения в отношении РЭС и ВЧУ, которые будут установлены в состав бортового оборудования воздушных судов, которые не предназначены для ремонта или установки на транспортные и другие технические средства, не подлежат обратному вывозу с таможенной территории Союза.

При администрировании раздела 2.17 Единого перечня тоже есть сложности, которые связаны с отсутствием четкого описания категорий товаров, а в разделе 2.19. «Шифровальные (криптографические) средства

2.17. «Специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации» существует сложность при соотнесении товаров с подконтрольными. К тому же законодательно не закреплено право предоставления декларантом письма от производителя об отсутствии шифровальных, криптографических/ СТС.

Отдельно стоит остановиться на проблеме в отношении товаров, отнесенных к разделу 2.22 «Служебное и гражданское оружие, его основные (составные) части и патроны к нему», а именно находящиеся под кодом 9305 20 0009 ТНВЭД ЕАЭС. Разрешительный документ предоставляется не только на ударно-спусковой механизм (далее – УСМ), но и на его части. Согласно п. 1 Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [9] основные части огнестрельного оружия – ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка. В соответствии с Положением о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза гражданского и служебного оружия, его основных (составных) частей и патронов к нему, утвержденном Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования», помещение оружия и основных (составных) частей к нему под таможенные процедуры экспорта или выпуска для внутреннего потребления осуществляется при представлении таможенному органу государства-члена заключения (разрешительного документа).

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 23.09.2010 г. № 156-р [7] и Федерального закона от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [8] уполномоченным органом на выдачу организациям разрешений на ввоз в РФ и вывоз из РФ оружия и патронов к нему является Росгвардия.

Согласно разъяснениям Главного управления государственного контроля и лицензионно-разрешительной работы Федеральной службы войск национальной гвардии РФ отнесение объектов подтверждения соответствия к оружию производится в ходе его сертификации, осуществляемой в соответствии с Правилами проведения сертификации гражданского и служебного оружия. В связи с чем на национальном уровне части УСМ не контролируются и разрешительный документ, как правило, не выдается, но части УСМ включены в раздел 2.22.

К заключительной проблеме стоит отнести то, что Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 194 от 28.12.2021 г. [1] устанавливает изменения, вносимые в раздел 2.1.1 (лесоматериалы), перечня товаров, в отношении которых установлены количественные ограничения экспорта и импорта. Названое решение официально опубликовано на сайте Евразийского экономического союза 30.12.2021 г. Решение № 194 должно было вступить в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования, то есть

29.01.2022 г., но были внесены изменения Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии № 16 от 25.01.2022 г. [2] и вступление в силу Решения было приостановлено.

В соответствии со ст. 46 Договора о Евразийском экономическом союзе [3] и п. 4, 13, 16 и 17 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран [4] Коллегия Евразийской экономической комиссии решила:

1) внести в раздел 21.1. перечня товаров, в отношении которых установлены количественные ограничения экспорта и импорта, изменения согласно приложению № 1;

2) распределить между государствами-членами Евразийского экономического союза объемы экспортной квоты в отношении отдельных видов лесоматериалов согласно приложению № 2;

3) решение вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования.

Согласно сообщению Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) от 12.01.2022 г. № 1 внесение изменений приостановлено [5] в соответствии с п. 107 Регламента работы ЕЭК [6] на основании заявления члена Совета ЕЭК – Республики Беларусь. Отметим, что мера нетарифного регулирования уже применяется в соответствии с Решением Коллегии ЕЭК от 28.12.2021 г. № 194. Объемы экспортной квоты в отношении отдельных видов лесоматериалов распределены между государствами-членами ЕАЭС. Мера нетарифного регулирования применяется в отношении Российской Федерации (далее – РФ) с даты вступления в силу акта РФ, устанавливающего порядок применения меры. Вместе с тем такой акт пока не принят. В связи со всем сказанным возникает неясность введен ли запрет, учитывая, что Решение № 194 официально опубликовано, но вступление отложено и нет соответствующего нормативно-правового акта в РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при администрировании разделов Единого перечня существуют проблемы законодательной неурегулированности, законодательство нуждается в доработке, поскольку некоторые положения являются общими и неконкретизированными. Для устранения перечисленных проблем необходима детализация и унификация законодательства. С помощью принятия новых актов или внесения изменений в уже имеющиеся нормативно-правовые акты получится детализировать списки товаров, что устранит сложность в соотнесении товаров с подконтрольными.

Для привлечения к ответственности за перемещение товаров, запрещенных к ввозу или ограниченных к ввозу или вывозу, предусмотрена одна статья в Кодексе об административных правонарушениях, а именно ст. 16.3. Под действие данной статьи подпадают очень многие нарушения, связанные с несоблюдением запретов и ограничений в рамках администрирования разделов Единого

перечня. Полагаем, что было бы целесообразно выделить отдельную часть в ст. 16.3 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение запретов и ограничений при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, включенных в Единый перечень товаров, запрещенных или ограниченных к ввозу или вывозу с таможенной территории ЕАЭС.

Список литературы

1. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.12.2021 г. № 194 «О внесении изменений в раздел 21.1 перечня товаров, в отношении которых установлены количественные ограничения экспорта и импорта, и о введении временных количественных ограничений экспорта в отношении отдельных видов лесоматериалов» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Решение Коллегии ЕЭК от 25.01.2022 г. № 16 «О внесении изменений в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 декабря 2021 г. № 194 и в раздел 21.1 перечня товаров, в отношении которых установлены количественные ограничения экспорта и импорта» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Сообщение ЕЭК от 12.01.2022 г. № 1 «О заявлении члена Совета ЕЭК от Беларуси о приостановлении и внесении изменений в Решение Коллегии ЕЭК об изменениях в перечень товаров, в отношении которых установлены количественные ограничения экспорта и импорта, в отношении отдельных видов лесоматериалов» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 г. № 98 «О регламенте работы Евразийской экономической комиссии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Распоряжение Правительства РФ от 23.09.2010 г. № 1567-р (ред. от 28.06.2021 г.) «Об утверждении перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на согласование заявлений о выдаче лицензий на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров и (или) выдачу заключений (разрешительных документов) в случаях, предусмотренных положениями, являющимися приложениями к решению Коллегии ЕЭК от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 01.04.2022 г.) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150 «Об оружии» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ ФТС России от 25.08.2009 г. № 1560 «Об утверждении Порядка проведения проверки документов и сведений после выпуска товаров и (или) транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ЛОГИНОВА Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23), SPIN-код: 2365-2540, AuthorID: 660153; e-mail: as.loginova@yandex.ru

PROBLEMS OF ADMINISTRATION OF THE SECTIONS OF THE UNIFIED LIST OF GOODS TO WHICH PROHIBITIONS OR RESTRICTIONS APPLY WHEN MOVING THROUGH THE BORDER OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A.S. Loginova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod

The algorithm and forms of administration of sections of the Unified List of goods, which are subject to prohibitions and restrictions when they are moved across the customs border of the Eurasian Economic Union, are considered. The purpose of the study is to identify legal gaps in customs legislation in the administration of sections of the Unified List of Goods. With the help of comparative legal and formal legal methods, the author identified the problems of administration of sections of the Unified List of Goods by the customs authorities of the Russian Federation.

Keywords: *measures of non-tariff regulation, prohibitions and restrictions, customs authorities, administration.*

About author:

LOGINOVA Anastasia – PhD in Law, Associate Professor of the Department of World Economy and Customs, Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23), SPIN-code: 2365-2540, AuthorID: 660153; e-mail: as.loginova@yandex.ru

Логинова А.С. Проблемы администрирования разделов Единого перечня товаров, к которым применяются запреты или ограничения при их перемещении через границу Евразийского экономического союза // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 97–103.

УДК 343.291
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.104

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗНАЧЕНИИ СРОКОВ ДАВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ВЫСТРЕЛ»

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье представлено понимание значения сроков давности на основе яркого отображения в повести А.С. Пушкина «Выстрел» последствий их отсутствия. Обращено внимание на проблемные моменты относительно неимущественных требований и возможного злоупотребления правом.
Ключевые слова: *повесть А.С. Пушкина «Выстрел», исковая давность, применение сроков давности в уголовном праве, справедливость, злоупотребление правом.*

Любое образование, а особенно юридическое, базируется на общекультурных знаниях и нашей великой литературе. Именно в бессмертных произведениях классиков мы находим то, что принято называть общечеловеческими ценностями. Однако важны не только нравственные начала, юристу необходимо увидеть правовые ситуации, оценить их значение с позиций современного права, найти обоснования как для существующих юридических правил, так и для возможного их совершенствования. Разумеется, одного прочтения литературного произведения в рамках школьной программы недостаточно, только со временем и получением определенного жизненного опыта и знаний мы находим новое и важное. Российская литература содержит огромное число описаний самых различных правовых ситуаций – от чисто бытовых до судебных процессов. Но все-таки Александр Сергеевич Пушкин занимает особое место в описании различных правовых ситуаций, он не показывает их прямо, а, напротив, чаще акцентирует наше внимание вроде бы на другом, но именно это и составляет главное значение его произведений для понимания определенных правовых явлений.

Подлинными бриллиантами являются в этом смысле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», о них можно говорить и писать бесконечно. Обратимся к повести «Выстрел», которая начинает этот цикл. Вероятно, если предложить разным людям и желательно тем, которые уже забыли содержание школьного учебника по литературе, коротко сказать, о чем эта повесть, ответов будет немало, но в данном случае важен один аспект: как время способно повлиять на субъектов правоотношения и само его содержание.

Дуэль была таким же правоотношением, как многое другое, и регламентировалась обычаями, которые составляли некий «дуэльный кодекс». Дуэли случались часто, жизнь воспринималась иначе, и честь

© Туманова Л.В., 2022

была дороже, но не всегда только стремление защитить свою честь руководило дуэлянтами, нередко к нему примешивалось и желание отомстить. Именно это было главным для Сильвио. Обратимся к тексту повести: «Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства … Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?» [3, с. 254–255]. И Сильвио, как известно всем читателям повести, дождался того момента, когда жизнь его противника изменилась и приобрела для него цену, чтобы предъявить свое право на выстрел. Александр Сергеевич никогда не делал героев своих произведений «плоскими и одноцветными», поэтому и Сильвио не стал в повести жестоким убийцей, а обрел новый смысл своей жизни. Но в повести содержится не только вопрос о том, насколько правомерно заявлять свои притязания на что-то спустя долгие годы, но и ответ на него, который мы можем сформулировать как необходимость установления сроков давности в праве.

Перечитываешь повесть «Выстрел» и каждый раз переживаешь эту ситуацию, когда время меняет все кардинально, и то, что казалось справедливым и правильным, превращается в свою противоположность. Именно поэтому сроки давности предусмотрены как в гражданском праве, так и в уголовном. При всей общности сроки давности в уголовном праве и сроки исковой давности имеют существенные различия.

Представление о сроках исковой давности, их продолжительности и порядке применения менялось на протяжении истории. Римское право положило начало правового регулирования сроков давности, которые неоднократно менялись в диапазоне от года до тридцати лет. Следует обратить внимание на то, что изначально применение исковой давности рассматривалось как способ защиты интересов ответчика. Только постепенно пришло понимание о необходимости не просто установить срок исковой давности, но не менее важно определить его разумную достаточность с тем, чтобы не превратить саму защиту права в фикцию, и при этом не лишить другую сторону такого способа защиты.

Изменялась не только продолжительность сроков исковой давности, но и порядок их применения от диспозитивного к императивному и вновь к диспозитивному. А еще важнее то, что постепенно цель исковой давности трансформировалась от защиты прав ответчика к обеспечению стабильности гражданского оборота и обеспечению принципа правовой определенности. Но повесть А.С. Пушкина показывает, что главным значением срока давности выступает защита интересов ответчика, и то, что исковая давность направлена на установление баланса интересов между должником и взыскателем.

Во многих правоотношениях срок является важнейшим условием, и это прежде всего относится даже не к срокам исполнения обязательств

по договору, а к значению сроков для сторон. Именно поэтому в правовых позициях Европейского Суда по правам человека относительно понятия «разумный срок» установлены такие критерии: «сложность дела, поведение заявителя в ходе судебных разбирательств на национальном уровне, поведение национальных судов, через которые проходило дело, значимость временного фактора для реализации законных прав заявителя» [5, с. 123].

Особое значение в аспекте данного исследования имеет четвертый критерий, который в процессуальных кодексах был заменен на «общую продолжительность судопроизводства по делу». Эти критерии имеют существенные различия; конечно, сама продолжительность имеет значение, но, как представляется, более важно, как срок влияет на сами правоотношения. В этой связи в первую очередь приходит понимание, что такой критерий особо значим для всех споров, связанных с детьми. Не только каждый год, но и каждый день жизни ребенка неповторим, и если родитель лишен возможности общаться с ребенком, то это не восполнить никакими компенсациями, и счет должен идти не на годы, а на дни.

На первый взгляд, принцип разумного срока судопроизводства никак не связан с проблемой исковой давности, но как раз критерий разумности и приведенный пример показывают значение временного фактора.

Кроме того, соблюдение разумных сроков судопроизводства и ответственность за нарушение этого принципа имеют значение и для общего смысла установления сроков давности. С учетом правил о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок пострадавшим выступает лицо, которое обращалось в суд за защитой и не получило своевременно судебное решение либо его исполнение. При этом совершенно без внимания остаются интересы ответчика, у которого, как у графа из повести «Выстрел», могут произойти существенные изменения за период долгого судебного разбирательства. Конечно, можно встать на позицию, что должник имел возможность выполнить требования и не нужен был бы долгий судебный процесс. Но здесь хотелось бы обратить внимание, что правоотношение, находящееся на рассмотрении суда, сохраняет характер спорности до вступления в законную силу судебного решения, а практика показывает, что иногда решение меняется на прямо противоположное в проверочных инстанциях, с учетом этого не всегда правильно выполнять требования до решения суда и не обязательно ответчик действует абсолютно недобросовестно, он может как сомневаться в своих обязанностях, так и добросовестно заблуждаться.

Учитывая, что исковая давность, прерванная обращением в суд, уже не восстановится, это в определенных случаях ставит должника в положение, практически худшее, чем у взыскателя. А ведь, как уже

отмечалось, первоначальный смысл установления сроков давности был в том, чтобы защитить интересы ответчика. Представляется, что более выражено основание для установления сроков давности, которое показано в повести «Выстрел», в нормах уголовного законодательства.

Не ставя цель дать подробный анализ сроков давности, уставленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, обратим внимание, что давность применяется в двух основных случаях: как основание освобождения от уголовной ответственности и от отбывания наказания. Сроки в обоих случаях установлены дифференцированно в зависимости от категории преступления, и их установление вытекает из целей наказания.

Если лицо, совершившее деяние, попадающее под признаки состава преступления, не было привлечено своевременно к уголовной ответственности или обвинительный приговор не был приведен в исполнение, и при этом не имело место уклонение от следствия или отбытия наказания, а также не было совершено иных правонарушений в течение срока, установленного законом, это может свидетельствовать о том, что цели исправления лица и предупреждения новых преступлений были достигнуты без применения мер уголовно-правового принуждения.

Понятие справедливости – сложная категория и имеет много граней. В уголовном праве при применении принципа справедливости «необходимо учитывать характер и степень общественной опасности преступного деяния, обстоятельства его совершения, данные, характеризующие личность и условия жизни обвиняемого» [1, с. 117]. Понятие «социальная справедливость» как цель наказания – еще более сложное, но к нему применимы все названные критерии, а для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности и наказания особенно важно понять, как изменилась за этот период личность лица, совершившего преступное деяние, и в каких условиях и окружении он живет. Если за это время была создана семья, появились дети, а может, на иждивении престарелые родители, гражданин работает или учится, характеризуется положительно, то будет несправедливо изменить его жизнь привлечением к уголовной ответственности или отбытию наказания. Его поведение и условия жизни изменились, и то, что было справедливо раньше, будет более тяжким наказанием в новых условиях.

Возвращаясь к повести А.С. Пушкина, за пощечину на балу по представлениям того времени было справедливо лишить графа жизни на дуэли, когда он не был связан с близкими людьми и сам не осознавал цену жизни, но прошли годы, он не только женился, но и поменял многие свои взгляды и привычки, это, по сути, был другой человек, который уже не заслуживал такого наказания за свой давний поступок.

Целесообразно применить этот подход ко всем правоотношениям, чтобы учитывались изменившиеся обстоятельства жизни и личность человека. Но действующее законодательство устанавливает, что на

неимущественные правоотношения и требования, вытекающие из семейных правоотношений, исковая давность не распространяется, кроме случаев, прямо предусмотренных в законе. На первый взгляд, это абсолютно справедливо, но жизнь нам предлагает иногда очень сложные коллизии. Например, оспаривание и установление отцовства. Казалось, это направлено на обеспечение права ребенка знать своих родителей и соответствует их интересам. Представим себе ситуацию, когда ребенок рос в семье, но тот, кто считал себя его отцом, таковым не был, причем не только ребенок, но и мужчина даже подозревали об этом, знала, вероятно, только мать, да и то возможны случаи, когда она не была в этом уверена. И вот появляется мужчина, который считает себя отцом ребенка, хотя тому уже может быть достаточно лет, и заявляет в суд два требования: об аннулировании записи отцовства и о признании его отцом.

Исковой давности нет, и после больше десятилетия счастливой семейной жизни все рушится, а тут еще и у ребенка переходный возраст со всеми сопутствующими проблемами. Есть повод задуматься, а так ли справедливо, что в этих случаях не используется исковая давность.

Действующее законодательство предусматривает к исковой давности диспозитивный режим, ее применение зависит от воли самого ответчика, если он не сделает заявление об истечении срока давности, суд может принять решение и после его истечения, а вот правила об отсутствии исковой давности носят императивный характер. Целесообразно рассмотреть эту проблему под предложенным углом зрения и предоставить суду возможность учитывать давность и по неимущественным и семейным правоотношениям в целях обеспечения принципа справедливости и защиты интересов несовершеннолетних.

Необходимо обратить внимание еще на два аспекта проблемы применения сроков давности. Практика свидетельствует о том, что появилась тенденция прибегать за пределами сроков исковой давности к обеспечению своих притязаний с помощью мер уголовно-правового преследования [3, с. 159].

Так, после совершения какой-либо сделки больше трех лет назад одна из сторон вдруг начинает думать, что либо что-то дорого купила, либо дешево продала, но срок исковой давности истек, а вот для возбуждения уголовного дела о мошенничестве сроки не прошли, значит, надо обратиться в следственные органы, а уж с их помощью проблема и будет решена. Это настораживающая тенденция, поскольку такой способ обойти правило исковой давности сам очень напоминает мошенничество. Необходима более четкая корреляция норм гражданского и уголовного законодательства, чтобы уголовное преследование не становилось средством достижения экономических целей в нарушении основополагающих гражданско-правовых норм.

Еще один интересный вопрос относительно сроков исковой давности возник в рамках проблемы злоупотребления правом. Ряд авторов полагают, что предъявление истцом требований за пределами срока исковой давности следует рассматривать как злоупотребление правом, а применение в этом случае правил об исковой давности становится разновидностью применения негативных последствий за осуществление действий, направленных на причинение вреда другому лицу в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

С точки зрения интересов правосудия любое заведомо неосновательное обращение в суд следует рассматривать как злоупотребление этим правом. Но здесь очень важно установить именно умышленный характер таких действий, поскольку закон обеспечивает гражданам право на доступ к суду вне зависимости от обоснованности заявленных требований, и нарушение права лишь предполагается в момент возбуждения дела, а окончательный вывод – только в решении суда. При этом не требуется юридических знаний для обращения в суд, и сама форма заявления очень проста и не обязывает ссылаться на нормы права. Кроме того, сам порядок исчисления сроков исковой давности неслучайно выступает предметом многих научных исследований, поэтому далеко не во всех случаях истечение срока исковой давности является очевидным, да и гражданин просто может не знать о сроках либо добросовестно заблуждаться.

И еще один момент – обращение в суд за пределами сроков исковой давности не может причинить ответчику значительного вреда, поскольку уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству он сделает соответствующее заявление, и процесс будет прекращен. Скорее истец себе причинит вред, поскольку потеряет сумму госпошлины. А вот обращение в суд за несколько дней до окончания срока исковой давности можно расценить как злоупотребление правом, если истец, подобно Сильвио, выжидает момент, когда ответчику будет уже очень затруднительно выполнить свою обязанность. Да, Сильвио злоупотребил своим правом на выстрел, поскольку использовал его не для защиты свой чести, для чего и существовали дуэли, а для мести и унижения графа, то есть, используя наше современное понимание злоупотребления правом, использовал его не по назначению.

Вот к таким размышлениям о сроках давности приводит прочтение повести Александра Сергеевича Пушкина «Выстрел», а сколько же в ней еще поводов для размышлений о нашей жизни и праве!

Список литературы

1. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 113–121.

2. Малышева В. Институт исковой давности. Исторический аспект [Электронный ресурс]. URL: https://schwarts.ru/publications/institut-iskovoy-davnosti-istoricheskiy-aspekt/ (дата обращения: 25.10.2022).

3. Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Применение исковой давности при предъявлении иска в уголовном деле и вне его. М.: Международные отношения, 2020. 888 с.

4. Пушкин А.С. Драматургия. Проза. М.: Правда, 1981. 624 с.

5. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Изд-во НОРМА, 2001. 304 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

REFLECTIONS ON THE SIGNIFICANCE OF LIMITATION IN THE CONTEXT OF A.S. PUSHKIN "SHOT"

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article presents an understanding of the meaning of statute of limitations on the basis of a vivid display in the story of A.S. Pushkin's "Shot" of the consequences of their absence. Attention is drawn to problematic issues regarding non-property claims and possible abuse of the right.

Keywords: *A.S. Pushkin "Shot", statute of limitations, application of statute of limitations in criminal law, justice, abuse of law.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Размышления о значении сроков давности в контексте повести А.С. Пушкина «Выстрел» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 104–110.

Вопросы истории государства и права

УДК 378.4(470.331)
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.111

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы развития Тверского государственного университета в контексте ответа системы высшего образования России на вызовы времени.

Ключевые слова: *высшее образование, университеты, Тверской государственный университет, развитие, тенденции.*

Тверской государственный университет (ТвГУ) является неотъемлемым компонентом системы образования Российской Федерации. Он занимает место в ряду университетов, имеющих ключевое значение для своих регионов. Ключевой, опорный региональный университет – так можно определить его положение в системе российских университетов и его значение. Если определить ведущие вузы России как университеты мирового класса, то Тверской государственный университет занимает нишу вслед за университетами мирового класса. Вуз также является крупнейшей образовательной организацией Тверской области.

Целью настоящей статьи является рассмотрение характера изменений, в том числе институционального и функционального порядка, в инфраструктуре и деятельности Тверского государственного университета, в изменении его локальной нормативной базы в рамках историко-правовой науки на основе цивилизационного подхода с применением формально-юридического, исторического и других методов. Эмпирическую базу составляют нормативно-правовые акты Российской Федерации, отечественные нормативно-правовые акты предшествующих исторических периодов, локальные акты ТвГУ, иные документы.

Тверской государственный университет занял указанное выше место в системе высшего образования страны и Тверского края в результате длительного процесса. Его роль определялась постепенно в ходе исторического развития страны, региона и самого учебного заведения.

ТвГУ прошел в своем развитии несколько этапов. Каждый из них характеризовался сменой организационно-правовой формы образовательного учреждения. В ходе развития учебным заведением

 © Смирнов С.Н., 2022

были опробованы различные ответы на возникающие перед страной и системой образования вызовы.

История нашего вуза начала свой отсчет в 1870 г., когда известным тверским общественным деятелем П.П. Максимовичем была основана частная женская учительская школа. Можно сказать, что это был первый в истории нашей образовательной организации ответ на вызовы, стоящие перед страной в то время. Вскоре началось взаимодействие школы и тверского земства. Выражаясь современными терминами, речь идет о муниципально-частном партнерстве.

Организация в 1971 г. Калининского государственного университета (в те годы Тверь носила имя советского государственного деятеля М.И. Калинина) означала новые системные изменения, в частности движение в сторону полидисциплинарности. В его структуре появились факультеты, обеспечивающие реализацию образовательных программ информационного, экономического, юридического профилей. При этом аналогичные процессы в то время совершались и в некоторых других республиках СССР и регионах РСФСР. Так, в РСФСР в 1969 г. был открыт Куйбышевский государственный университет (в Куйбышеве, как тогда называлась Самара), в 1970 г. – Ярославский государственный университет, в 1972 г. – Сыктывкарский государственный университет, Чечено-Ингушский государственный университет [4, 5, 6, 7].

Следующий этап в развитии Тверского государственного университета связан как со структурными изменениями, так и с более точным и активным его позиционированием в системе образования России. Возвращение в 1990 г. вузу имени Тверского госуниверситета стало крупным шагом в укреплении его имиджа [3]. Открытие новых специальностей и направлений подготовки позволило университету закрепить положение ведущего вуза в регионе и создало кадровые, организационные, методические ресурсы для более активного участия в качестве влиятельного актора в решении задач развития Тверской области. Университет стал активно участвовать в экспорте образования, вышел на новый уровень в освоении дополнительных образовательных программ, приступил к реализации основных программ общего образования. Соответствующим образом развивается инфраструктура университета и его локальная нормативная база.

Анализируя примеры развития других вузов, мы делаем вывод о том, что развитие ТвГУ идет в общем направлении со всей системой высшего образования страны. Так, едва ли не все вузы активно развивают сферу дополнительного образования. Все крупнейшие (и не только крупнейшие) вузы России имеют в своей структуре подразделения по обучению школьников.

Вместе со всей системой высшего образования России Тверской государственный университет искал и ищет ответы на возникающие вызовы глобального и регионального характера. Речь идет, в частности,

о тенденциях, которые получили определение в качестве академической революции.

Разговор о влиянии на Тверской государственный университет академической революции целесообразно начать с некоторых понятийно-терминологических уточнений. Мы полагаем, что сам термин «академическая революция» является в достаточной мере корректным и может использоваться в научных и учебных целях при описании некоторых происходящих в сфере высшего образования целого ряда стран изменений. Составляющие академической революции – массовизация и глобальная экономика знаний – вызревали и проявлялись издавна. Можно даже сказать, что в известном смысле движение к расширению социальной базы и диверсификации студенческого корпуса осуществлялись в течение всей истории университетов. Более того, задачи по определенной аналитике социальных и технологических процессов решались университетами всегда и во всех странах. Естественно, все это происходило в тех организационно-правовых формах, которые были свойственны конкретному историческому периоду в истории того или иного общества.

В конце XX в. начался новый этап указанных выше изменений. В это время темп происходивших перемен резко ускорился, а их территориальный масштаб увеличился. Безусловно, данное явление отразилось и на отечественных университетах, включая Тверской государственный университет.

Как результат государственной политики (например, введение итоговой аттестации в формате централизованного тестирования, а затем и в формате Единого государственного экзамена) и объективных социально-экономических факторов усилилась образовательная мобильность молодежи. На уровне университетов это явление выразилось в расширении географии абитуриентов и студентов. Скажем, в ТвГУ обучаются в последние годы студенты из более чем 50 регионов России.

Постепенно увеличивается в Тверском государственном университете также и число студентов из зарубежных государств, что в определенной мере является отражением межгосударственной образовательной мобильности.

Благодаря принятым в России мерам на общегосударственном и региональном уровнях, а также на уровне высших учебных заведений, к образованию получили доступ школьники из тех семей, которые ранее не имели возможность отправлять детей на обучение в вузы. Однако здесь надо отметить одно существенное обстоятельство. Речь идет не просто о повышении доступности высшего образования, что само по себе хорошо. Речь идет в первую очередь об образовательной поддержке талантливых детей в рамках национальных целей развития Российской Федерации [1]. В Тверском государственном университете указанная тенденция нашла

свое выражение в применении новых форм работы со школьниками. Университет имеет немалый опыт применения различных методов взаимодействия с обучающимися общеобразовательных организаций [8, с. 201]. В частности, речь идет о создании в структуре вуза Академической гимназии имени П.П. Максимовича как площадки для реализации программ общего образования.

Тверской государственный университет активизировал также деятельность по организации на своей базе олимпиад школьников. Ряд олимпиадных соревнований проводится университетом во взаимодействии с ведущими вузами России.

Одновременно в ТвГУ была модернизирована локальная нормативная база для организации образовательной поддержки школьников [2].

Таким образом, академическая революция проявляется в деятельности нашего вуза весьма опосредованно, под воздействием организационно-правовых и социально-экономических факторов, свойственных именно нашей стране.

Одновременно мы должны констатировать возрастание роли Тверского государственного университета как научного, технологического центра. Здесь мы находимся в общем тренде, свойственном всей системе университетов России, отражающем направление государственной политики в сфере высшего образования.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Положение об Академической гимназии имени П.П. Максимовича Института непрерывного образования ТвГУ [Электронный ресурс]. URL: https://gymnasium.tversu.ru/pages/1208 (дата обращения: 09.10.2022).

3. Распоряжение Совета Министров РСФСР от 26 ноября 1990 г. № 28472-67 [Электронный ресурс]. URL:https://tversu.ru/sveden/files/Ustav_20.12.2018.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

4. Сайт Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева [Электронный ресурс]. URL: https://ssau.ru/ (дата обращения: 09.10.2022).

5. Сайт Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина [Электронный ресурс]. URL: https://www.syktsu.ru/?ysclid=lajl81zppb343310677 (дата обращения: 09.10.2022).

6. Сайт Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова [Электронный ресурс]. URL: https://www.chesu.ru/ (дата обращения 09.10.2022).

7. Сайт Ярославского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.uniyar.ac.ru/ (дата обращения 09.10.2022).

8. Смирнов С.Н. Нормативная база и организационные ресурсы деятельности Тверского государственного университета по образовательной

поддержке одаренных и высокомотивированных школьников Тверской области: опыт работы и новые проекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 201–209.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

TVER STATE UNIVERSITY AND SOME CONTEMPORARY TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The article deals with the development of Tver State University as a response of the Russian higher education system to the challenges of the time.
Keywords: *higher education, universities, Tver State University, development, trends.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Некоторые современные тенденции развития российской системы высшего образования и Тверской государственный университет // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 111–115.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 342.41 : 157
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.116

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ЮРИСТА

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена правовым основам нравственного воспитания, определенным Конституцией Российской Федерации [1]. Исследование исторических корней этики позволяет отнести аксиомы поведения юриста не просто к корпоративной культуре, но к элементам культурного наследия. Этика юриста формируется, начиная с первых дней обучения на юридическом факультете. Основы нравственного поведения будущего юриста предопределяют возможность создания кодекса этики студента-юриста.

Ключевые слова: *конституционные основы воспитания, нравственность, юридическая этика, культурное наследие, кодекс этики студента-юриста.*

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Эта конституционная идея положена в основу всего функционирования российского государства. Обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права человека создает парадигму деятельности, которая относится не только к органам публичной власти, которые в силу конституционного установления должны руководствоваться ей при принятии законов, нормативных актов и в правоприменительной практике, но и ко всем общественным институтам. Деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти базируется на этом принципе. Особое внимание государство и общество уделяют соблюдению данного конституционного положения теми органами и службами, которые напрямую осуществляют правоохранительную деятельность. При этом одним из важнейших аспектов является непосредственное взаимоотношение и взаимодействие личности конкретно с должностными лицами, государственными и муниципальными служащими, сотрудниками правоохранительных органов, сотрудниками и членами коллективов и профессиональных сообществ. Сейчас многие нормы этики и нравственного поведения рекомендованы международными актами.

Некоторые профессиональные сообщества, опираясь на общую концепцию государственной политики, создают корпоративные нормы, посвященные регулированию этических, нравственных аспектов.

© Рязанова Е.А., 2022

Принятие законов «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4], «О противодействии коррупции» [5], «О системе государственной службы Российской Федерации» [6], «О муниципальной службе в Российской Федерации» [7] обусловило появление «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих». На основании ст. 13 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] разработан в утвержден Приказом МВД России «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел РФ» [11]. Приказом Федеральной таможенной службы утвержден «Кодекс этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов РФ» [12]. На основе ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9] первым Всероссийским съездом адвокатов принят «Кодекс профессиональной этики адвоката». VIII Всероссийским съездом судей утвержден «Кодекс судейской этики» [15]. По мнению О.Е. Финогентовой и Е.В. Полозкова, кодексы этики не являются правовыми актами, поскольку принимаются профессиональными сообществами [19]. Авторы говорят о том, что корпоративная мораль не тождественна профессиональной морали. Профессиональная мораль развивает и конкретизирует мораль общечеловеческую, воплощенную в гуманистических нормах нравственности, и предъявляет высокие и специфические требования к представителям профессии.

О морально-нравственных аспектах поведения наделенных индивидуальной или коллективной властью задумывались издревле, еще в до демократический период государственности, встречаем, например, у Плутарха [17]: «Не должно также приступать к общественным делам в надежде на обогащение и наживу», Агапита [13], и далее по истории развития человечества – Монтескье «Избранные произведения о духе законов» [16]. Мы находим такие упоминания в китайских «Правилах подданных» У-хоу [18]. В Домострое [14] (древнерусском памятнике XVI века) предписано покоряться князьям, «ибо они посланы Богом карать злодеев и награждать добродетельных». Огромное количество творений философов посвящено искусству управления, и в том числе характеристике основ контактирования правителя, чиновника, власть имеющего лица, с человеком простым, просящим, жалующимся, нарушителем законов и правил или пострадавшим от чужого произвола.

Профессионалы-юристы неспроста оказались в авангарде тех, кто обратил внимание на корпоративную культуру, которая теперь является неотъемлемой частью функционирования всего юридического сообщества. Высокий уровень правовой культуры позволил осознанно прийти к необходимости создания общих норм поведения, которые должны быть соблюдены всеми его представителями юридических

специальностей. Такое поведение, имея под собой конституционно обозначенную цель защиты прав человека, должно быть сопряжено с уважением личности.

Основополагающие культурные элементы в становлении личности будущего юриста берут свое начало в конституционных нормах.

Внесение в Конституцию Российской Федерации норм об основных направлениях формирования личности гражданина нашего государства имеет огромное значение. Названы такие идейные приоритеты, как память защитников Отчества, защита исторической правды, воспитание в детях патриотизма, гражданственности, уважения к старшим. Основополагающую роль в воспитании личности ребенка, который выбрал будущую юридическую специальность, должно стать воспитание понимания: на чем строится взаимное доверие государства и общества; как сбалансированы права и обязанности граждан; каковы и как формируются идеи государственных гарантий защиты достоинства граждан, уважения человека труда, в чем смысл и каков объем государственного регулирования всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей.

Образовательная деятельность выстраивается, опираясь на понимание категории «многонационального российского народа», которая предполагает уважение культурной самобытности народов и этнических общностей, их языков, традиций, обычаев.

Воспитательный компонент образовательной деятельности, выраженный в идее взаимного доверия государства и общества, должен формировать политическую и социальную солидарность. Следовательно, в результате получения образования у студентов-юристов должны быть ясные представления о государственной политики в области прав человека, которые усвоены как базовая, определяющая все содержание профессиональной деятельности, конституционная основа ценностных ориентаций. В эти взгляды включается и необходимый элемент непрерывности образования, поскольку Конституцией РФ предписано сохранение и развитие научного потенциала. Нельзя игнорировать тот факт, что конституционные нормы направлены не только на сохранение российского суверенитета, но и на сохранение российской ментальности, которая проявляется через различные культурные формы. К таким проявлениям можно с уверенностью отнести корпоративные этические нормы. Выработанные сообществами профессионалов различных юридических направлений деятельности они выражают общекультурные, государственные, конституционные, общественные, российские ментальные идеи, главенствующей из которых становится приоритетность прав человека. Создаваемые профессиональными объединениями юристов нормы этики можно смело отнести творениям культуры, а если их рассматривать в историческом аспекте, – памятникам культурного наследия. Согласно ч. 4 ст. 68 Конституции Российской

Федерации, культура в России является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура охраняется государством.

В свете проведения в 2022 г. Года культурного наследия народов России [2] следует взглянуть с иной стороны на принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ. Не требует доказательств то, что принципу приоритета прав и свобод человека для правильного его соблюдения требуется нормативно-правовое закрепление, позволяющее применять его с наибольшей пользой в интересах личности. Если рассматривать культуру и культурные ценности с позиции сохранения тех лучших образцов деятельности человека, создающего материальные и нематериальные блага, которые и позволяют говорить об их создателях (человечестве) как о высшей ценности, то полагаю, эта конституционная идея становится уникальным и главным культурным достоянием. Под культурными ценностями, согласно ст. 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» [10], понимают «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию». В законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [8] одним из признаков отнесения объекта к культурному наследию является его ценность «с точки зрения социальной культуры» (ст. 3). Культурная ценность выражается и в нравственных идеалах. Социальная культура включает в себя корпоративные культуры сообществ, коллективов, групп. Следовательно, к наследию можно отнести и те нравственные категории, которые выработаны юристами России. Нравственные идеалы юриста нашли воплощение в этических кодексах. Все этические кодексы уверенно можно отнести к социальной культуре. Они выработаны не единым веянием. Их становление и подготовка к принятию сообществом юристов шли от поколения к поколению. Уважать закон. Уважать право человека.

От конституционного принципа – к культурной составляющей личности юриста, предполагающей высокий уровень общечеловеческой культуры при высоком уровне правовой культуры, доведенной до уровня потребности соответствующего поведения как неотъемлемого фактора существования в юридической профессии. Полагаю, такой путь студента-юриста должен начинаться со следования нормам кодекса этики юридического факультета. В некоторых вузах уже приняты кодексы (МГУ им. М.В. Ломоносова [20], Российский университет правосудия [21] и иными). Их отличительной чертой является узкая направленность, выраженная в том, что нормы рассчитаны на поведение студентов в стенах образовательной организации, студенческом сообществе. Такой кодекс должен включать в себя нормы, необходимые для регулирования отношений в студенческой среде между будущими

юристами, отношений студентов с преподавателями, поведения лица, выбравшего юридическую профессию, вне времени нахождения в стенах вуза, в иной социальной среде, с тем чтобы формировать высокий уровень правовой и профессиональной культуры и морали, как ее необходимой составляющей. Принятие этического кодекса является своеобразным требованием времени. Разработка такого кодекса требует участия студентов, преподавателей, выпускников. Юридический факультет Тверского государственного университета, с более чем 50-летней историей, обладает необходимым интеллектуальным и культурным потенциалом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0 (дата обращения: 10.11.2022).

2. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602682884 (дата обращения: 10.11.2022).

3. Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г.) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

4. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

5. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

6. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

7. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

8. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

10. Закон РФ от 09.10.1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 46. Ст. 2615.

11. Приказ МВД России от 26.06.2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Приказ ФТС России от 30.12.2021 г. № 1187 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Агапит. Поучение [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/600 (дата обращения: 10.11.2022).

14. Домострой. Советская Россия, 1990. С. 117.

15. Кодекс судейской этики от 19.12.2012 г. (утв. Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения о духе законов; ГЛАВА XXVIII «Об уважении монархов к своим подданным». «Избранные произведения о духе законов» [Электронный ресурс]. URL: https://lex.am/docs/sharle.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

17. Плутарх. Сочинения «Наставления о государственных делах». М.: Художественная литература, 1983.

18. У-хоу. Правила подданных. [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/VII/680-700/U_chou/text1.php (дата обращения: 10.11.2022).

19. Финогентова О.Е., Полозков Е.В. Система этических кодексов в современной России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 15.

20. Этический кодекс МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.msu.ru/pages/eticheskiy_kodeks_mgu (дата обращения: 10.11.2022).

21. Этический кодекс Российского университета правосудия [Электронный ресурс]. URL: https://rgup.ru/?mod=pages&id=121 (дата обращения: 10.11.2022).

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AS A NORMATIVE BASIS FOR FORMING THE PROFESSIONAL CULTURE OF A FUTURE LAWYER

E.A. Ryazanova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the legal foundations of moral education, defined by the Constitution of the Russian Federation. The study of the historical roots of ethics makes it possible to attribute the axioms of a lawyer's behavior not just to corporate culture, but to elements of cultural heritage. The ethics of a lawyer are formed starting from the first days of study at the Faculty of Law. The

foundations of the moral behavior of a future lawyer predetermine the possibility of creating a code of ethics for a law student.
Keywords: *constitutional foundations of education, morality, legal ethics, cultural heritage, law student's code of ethics.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, st. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Конституционные принципы как нормативная основа формирования профессиональной культуры будущего юриста // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 116–122.

Трибуна молодого ученого

УДК: 346.3
DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.123

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ИЛИ РАСТОРЖЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА: МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Н.В. Снытникова

НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет “Синергия”», г. Москва

На этапе заключения договора для участников договорных предпринимательских правоотношений законодатель предусматривает весьма широкий спектр материально-правовых действий, начиная от определения содержания соглашения и завершая реализацией прав и обязанностей его участников в процессе исполнения предпринимательского обязательства. Как известно, предпринимательские правоотношения, в том числе и договорные, основаны на таких принципах, как добросовестность, добровольность и равенство участников, вместе с тем в период действия соглашения стороны могут осознать необходимость изменения или прекращения соответствующих предпринимательских договорных обязательств. В настоящей статье определены некоторые особенности рассмотрения гражданских дел об изменении или расторжении предпринимательского договора на основе материально-правового аспекта изучения наиболее актуальных и проблемных вопросов, сформулированы выводы и отдельные предложения.

Ключевые слова: *рассмотрение гражданских дел, соглашение, предпринимательская деятельность, обязательство в сфере предпринимательской деятельности, изменение предпринимательского договора, расторжение договора, суд, материально-правовой аспект.*

Законодатель в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] для регулирования вопросов, связанных с изменением и расторжением договора, предусмотрел специальную гл. 29, в рамках которой определены и дифференцированы основания изменения и расторжения договора по обоюдному согласию сторон и по волеизъявлению одной из сторон соглашения. Изучение данных частноправовых норм позволяет сделать вывод о том, что в правоприменительной предпринимательской деятельности они находят достаточно широкое применение, но многие из них на сегодняшний день продолжают отмечаться дискуссионным характером.

В период проведения реформы гражданского законодательства, осуществленной в период с 2013 по 2016 гг., в гл. 29 ГК РФ были внесены

 © Снытникова Н.В., 2022

существенные изменения в соответствующие гражданско-правовые нормы [5, с. 78]. Профессор О.Ю. Ильина обоснованно отмечает, что государство, реализуя публичный интерес в обеспечении традиционного подхода к структурированию общества, следует консервативной традиции, которая, в свою очередь, учитывает особенности ментальности, культуры, социально-экономических и политических условий [9, с. 15].

Действительно, в современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основано на договорных отношениях, в том числе имеющих предпринимательский характер. Договор – это один из главных, основных регуляторов гражданско-правовых, семейных, предпринимательских и иных правоотношений [10, с. 128; 11, с. 33].

В науке небезосновательно отмечается, что важнейшим принципом, на основе которого складываются договорные правоотношения, является принцип неизменности договора [19, с. 94]. Вместе с тем динамика развития общественных отношений как во всем мире, так и в России постоянно опережает законодательное регулирование поименованных договорных моделей. Выявляются новые нетипичные договорные конструкции, которые в конечном счете становятся предметом судебных разбирательств. Право должно обеспечивать юридическим механизмом те договорные предпринимательские правоотношения, которые того требуют. В этом одна из составляющих эффективности индивидуального договорного регулирования [12, с. 155]. Нужно стремиться к тому, чтобы законодатель своевременно создавал новые типы (виды, подвиды) договоров, отражающие юридически значимое разнообразие экономического оборота. Определяя место нового обязательства в законе, следует учитывать нормообразующие признаки, на которых построена существующая система договоров. Необходимо анализировать, имеются ли такие признаки в новом правоотношении. Это позволяет надлежаще соподчинить новый договорной институт с имеющимися унифицированными нормами [15, с. 21].

Правовое значение принципа неизменности договорных обязательств заключается в том, что стороны, обремененные вытекающими из договора обязательствами, должны обеспечить их исполнение на условиях, указанных непосредственно в договоре либо в законе. К сожалению, в условиях рыночной экономики не представляется возможным в полной мере следовать указанным принципам, направленным на обеспечение и реализацию основанных на договоре обязательств.

Так, в ст. 453 ГК РФ закреплено правило общего характера о том, что при изменении соглашения договорные правоотношения между сторонами сохраняются, но в измененной форме; при расторжении соглашения договорные предпринимательские правоотношения между сторонами подлежат прекращению. Тем не менее в обновленной

редакции диспозиции п. 2 ст. 453 ГК РФ указывается, что последствия изменения или расторжения заключенного между сторонами предпринимательского договорного соглашения устанавливаются либо ст. 453 ГК РФ, либо иными законодательными актами, либо непосредственно самим соглашением в момент его заключения сторонами [16, с. 58].

В случаях, когда между сторонами изменено заключенное соглашение, предпринимательское обязательство между ними признается измененным, а в случаях, когда соглашение расторгнуто, обязательство признается прекращенным. Момент вступления в силу соответствующего измененного или прекращенного обязательства определяется в зависимости от способа осуществления такого действия [4, с. 92]. И здесь возможны два варианта изменения или прекращения основанного на заключенном ранее между сторонами соглашения: во внесудебном порядке, когда обязательство изменяется или расторгается по обоюдному соглашению сторон с момента заключения ими соответствующего соглашения об изменении или расторжении соглашения, а также в судебном порядке, когда обязательство изменяется или расторгается по инициативе одной из сторон до момента вступления в законную силу принятого судом соответствующего решения об изменении или расторжении обязательства.

При рассмотрении гражданских дел об изменении или расторжении заключенного между сторонами соглашения судам необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, исходя из буквального содержания п. 2 ст. 453 ГК РФ, в случае расторжения соглашения с должника снимается обязанность по осуществлению действий, признаваемых предметом договора [6, с. 85] (например, осуществлять отгрузку товаров в рамках договора поставки) [7, с. 435].

Законодатель в п. 1 ст. 408 ГК РФ указывает, что в случаях, когда заключенное между сторонами соглашение в сфере предпринимательской деятельности исполнено надлежащим образом, договорные обязательства подлежат прекращению. Кроме того, после исполнения надлежащим образом заключенного соглашения для сторон устанавливается запрет, согласно которому в исполненный договор не представляется возможным внести изменения [18, с. 330]. В ситуациях, когда заключенное между сторонами соглашение расторгается, стороны освобождаются от обязанностей по его исполнению [20, с. 9].

Профессор А.Н. Левушкин в доктрине справедливо отмечает, что переход к цифровой экономике с неизбежностью предполагает ускорение, установление точности, мобильности, а за счет этого и эффективности реализации всех производственных процессов, предоставления различных услуг, достижение ими высоких уровней сложности и конкурентоспособности [13, с. 82].

Сложившийся законодательный подход применительно к правовым последствиям расторжения заключенного между сторонами обязательства в сфере предпринимательской деятельности позволяет заинтересованной стороне обратиться с иском в суд к стороне-контрагенту на предмет признания состоявшейся между сторонами сделки недействительной, вне зависимости от того обстоятельства, заключенным (действующим) является договор либо расторгнутым на момент подачи исковых требований. Факт расторжения договора не исключает ситуаций, при которых отдельные положения заключенного между сторонами соглашения могут быть признаны недействительными [3, с. 178].

При рассмотрении экономических и гражданских дел данной категории судам необходимо учитывать, что исковые требования о признании сделки недействительной не влекут последствий юридического характера, если заинтересованная сторона (истец) действует недобросовестно [4, с. 93]. Здесь необходимо пояснить, что в соответствии с п. 5 ст. 166 ГК РФ недобросовестным поведением заинтересованной стороны признается такое осуществленное после заключения поведение, при котором у сторон-контрагентов заключенного соглашения были основания считать, что заключена действительная сделка.

В доктрине профессор О.Ю. Ильина обоснованно отмечает, что «законодатель использует фразу «проверка законности сделки», особо отмечая проверку наличия у каждой из сторон права на совершение сделки [8, с. 9]. Укажем, что в ст. 431.1 ГК РФ установлена обязанность стороны-контрагента принять исполнение в рамках заключенного между ними предпринимательского соглашения и она не имеет права требовать признания заключенного соглашения недействительным по основаниям, изложенным в ст. 173, 178 и 179 ГК РФ, если стороны такого соглашения осуществляют предпринимательскую деятельность.

Особый интерес вызывает вопрос о том, правомерно ли сторонам заключить дополнительное соглашение к предпринимательскому договору, который признан недействительным, при условии, что соответствующее дополнительное соглашение к договору позволит устранить основания признания заключенного ранее между сторонами соглашения недействительным [16, с. 19].

Считаем необходимым для ответа на поставленный вопрос в первую очередь обратиться к п. 1 ст. 453 ГК РФ, в соответствии с которым изменение договора влечет для сторон заключенного соглашения обязательства в измененной форме, т. е. заключенное ранее между сторонами договорное обязательство продолжает свое действие, но на изменившихся условиях [17, с. 118]. При этом в случае признания заключенного между сторонами соглашения недействительным, стороны не имеют права заключать дополнительные соглашения к такому

договору, в том числе и дополнительные соглашения, содержащие основания для устранения недействительности договора.

Данный вывод следует из того обстоятельства, что при заключении недействительного соглашения в сфере предпринимательства нарушаются требования, установленные ГК РФ или иными нормативными актами. Кроме того, если основной договор признан недействительным, то и дополнительные соглашения к нему также признаются недействительными.

Анализ судебной практики по экономическим спорам об изменении и расторжении предпринимательского договора показал, что суды не в каждом случае при вынесении решения об изменении или расторжении заключенного между сторонами соглашения указывают момент, с которого существовавшие между сторонами обязательства признаются измененными (при изменении договора) или прекращенными (при расторжении договора), что в свою очередь порождает проблемы, связанные с исполнением принятого судебного решения. В этой связи, на наш взгляд, соответствующую рекомендацию для судов целесообразно предусмотреть в акте толкования высшей судебной инстанции по гражданским делам, а именно – дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [2] ст. 46.1 следующего содержания: «При вынесении решения об изменении или расторжении заключенного между сторонами соглашения судам рекомендуется указывать момент, с которого существовавшие между сторонами основанные на договоре обязательства признаются измененными (при изменении договора) или прекращенными (при расторжении договора)».

Таким образом, при рассмотрении гражданских дел об изменении или расторжении заключенного между сторонами соглашения судам необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, исходя из буквального содержания п. 2 ст. 453 ГК РФ, в случае расторжения соглашения с должника снимается обязанность по осуществлению действий, признаваемых предметом договора.

В соответствии с п. 1 ст. 453 ГК РФ изменение договора влечет для сторон заключенного соглашения обязательства в измененной форме, т. е. заключенное ранее между сторонами договорное обязательство продолжает свое действие, но на изменившихся условиях. Данный вывод следует из того обстоятельства, что при заключении недействительного соглашения нарушаются требования, установленные ГК РФ или иными нормативными актами. Кроме того, если основной договор признан недействительным, то и дополнительные соглашения е нему также признаются недействительными.

Правовая природа отдельных видов договоров, несмотря на прекращение основанных на заключенном соглашении обязательств между сторонами, предполагает исполнение их некоторых условий.

Применительно к расторжению предпринимательского договора происходит следующая ситуация: сторонами заключается соглашение, порождающее взаимные права и обязанности, а после возникновения обстоятельств, способствующих расторжению договорных обязательств, наступает их прекращение в будущем. Поэтому расторжение договора в сфере предпринимательской деятельности представляет собой правовое действие-сделку, основанное на воле сторон обязательственных правоотношений, либо правой акт, направленный на прекращение существовавших между сторонами взаимных договорных обязательств, осуществляемых в связи с неисполнением договора в полном объеме или частично.

В качестве основополагающего отличия изменения предпринимательского договора от его расторжения следует признать следующее: при изменении соглашения договорные обязательства между сторонами продолжают действовать, но в измененной форме; при расторжении соглашения договорные обязательства между сторонами полностью прекращаются.

Как представляется, более глубокое изучение института изменения и расторжения предпринимательского договора позволит сторонам хозяйственных правоотношений использовать дополнительные механизмы, а также компромиссы для решения возникших сложностей и неурегулированных вопросов правоприменительной практики в период реализации частноправовых отношений, что внесет ясность и разумность как для участников предпринимательской деятельности, коммерческого сектора, так и для государственных структур в предпринимательском обороте.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // РГ. 2019. № 4.

3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Л. В. Щенниковой. Краснодар, 2020. 311 с.

4. Гордеева Д.И. Проблемы заключения и расторжения публичных договоров // Символ науки: международный научный журнал. 2018. № 6. С. 91–93.

5. Гудовских Т.С. Механизм восполнения открытых условий гражданско-правовых договоров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ульяновск, 2019. 203 с.

6. Демченко М.С. Возмещение убытков, причиненных односторонним изменением или расторжением договора // Молодой ученый. 2019. № 17. С. 84–88.

7. Душкина М.А. Порядок изменения и расторжения договора хранения, ответственность за нарушение договора // Аллея науки. 2019. № 3. С. 433–437.

8. Ильина О.Ю. О проверке законности сделки при нотариальном удостоверении соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // Нотариус. 2015. № 1. С. 8–11.

9. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.

10. Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: учебник. М.: Проспект, 2021. 400 с.

11. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 30–35.

12. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150–166.

13. Левушкин А.Н. Правовое регулирование коллекторской деятельности как бизнес-процесса в эпоху цифровых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 4 (223). С. 80–88.

14. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37–42.

15. Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19–26.

16. Мягкова О.И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 224 с.

17. Никифоров С.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве как форма взаимодействия публичного и частного субъектов и его гражданско-правовая квалификация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2021. 203 с.

18. Трешкина А.А. Проблемы регулирования договорной работы по Федеральному закону № 44-ФЗ // Молодой ученый. 2020. № 50. С. 329–332.

19. Усачева К.А. Возвращение полученного как последствие расторжения нарушенного договора: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 257 с.

20. Хаджимурадова Т.Х. Расторжение договора подряда в судебном порядке // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 6. С. 8–10.

Об авторе:

СНЫТНИКОВА Наталия Валериевна – старший преподаватель кафедры правового сопровождения бизнеса и прикладной юриспруденции НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (г. Москва, просп. Ленинградский, д. 80), Мировой судья судебного участка 244 Солнечногорского судебного района Московской области, e-mail: natali1993@yandex.ru

SOME FEATURES OF THE CONSIDERATION OF CIVIL CASES ON THE AMENDMENT OR TERMINATION OF AN ENTREPRENEURIAL CONTRACT: THE SUBSTANTIVE ASPECT

N.V. Snytnikova

Moscow University of Industry and Finance, Moscow

At the stage of concluding a contract for participants in contractual business relations, the legislator provides for a very wide range of legal actions, starting from determining the content of the agreement and ending with the realization of the rights and obligations of its participants in the process of fulfilling an entrepreneurial obligation. As you know, business legal relations, including contractual ones, are based on principles such as good faith, voluntariness and equality of participants, at the same time, during the period of the agreement, the parties may realize the need to change or terminate the relevant business contractual obligations. This article identifies some features of the consideration of civil cases on the amendment or termination of an entrepreneurial contract on the basis of the substantive aspect of the study of the most pressing and problematic issues, formulated conclusions and individual proposals.

Keywords: *consideration of civil cases, agreement, entrepreneurial activity, obligation in the field of entrepreneurial activity, amendment of the business contract, termination of the contract, court, substantive aspect.*

About author:

SNYTNIKOVA Natalia – Senior Lecturer of the Department of Legal Support of Business and Applied Jurisprudence Moscow University of Industry and Finance (Moscow, ave. Leningradsky, 80), Justice of the Peace of the judicial precinct 244 of the Solnechnogorsk judicial district of the Moscow region, e-mail: natali1993@yandex.ru

Снытникова Н.В. Некоторые особенности рассмотрения гражданских дел об изменении или расторжении предпринимательского договора: материально-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 123–130.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:
170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.
Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.
Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);
технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;
law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право *№ 4 (72), 2022*

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 14.12.2022. Выход в свет 16.12.2022.
Формат 70 x 108 $^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,38.
Тираж 500 экз. Заказ № 253.
Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.
Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.
Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*